ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ

ЧАСТЬ CLXIII.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. С. Балашева (Большая Садовая д. № 49—2).
1872.

СОДЕРЖАНІЕ.

ОБЪ ОТНОШЕНІЯХЪ КИТАЙСКАГО ЯЗЫКА КЪ СРЕДНЕАЗІАТСКИМЪ.

(Посвящается моему молодому другу И. П. Минаеву).

Насчитываютъ огромное семейство языковъ приставочныхъ; но трудно говорить по однимъ граматикамъ и лексиконамъ о тѣхъ, которые не изучены основательно. Настоящая статья, надѣюсь, покажетъ какого глубокаго вдумыванія, не только изученія, требуетъ выводъ о о сродствѣ одного языка съ другимъ. Вотъ почему я и отказываюсь судить опрометчиво о финскихъ или какихъ-нибудь дравидскихъ нарѣчіяхъ. Довольно, если я буду говорить о языкѣ маньчжурскомъ, въ связи отчасти съ монгольскимъ и татарскимъ... И то представится населеніе, раскинутое сплошною массой отъ Восточнаго океана до Средиземнаго моря, заходящее въ Сибирь и въ Европу съ одной стороны, и проникшее въ Китай съ другой. Собственно говоря, я не усомнюсь назвать приставочными и китайскій съ тибетскимъ, который, какъ видно, сроденъ съ бирманскимъ; въ обоихъ языкахъ есть также приставки, съ тою разницею, что въ тибетскомъ ихъ немного, какъ и во взятыхъ мною языкахъ, а въ китайскомъ едва-ли можно перечесть всѣ варіанты. Но тибетскій и китайскій, какъ языки односложные, отличаются внутреннею жизнью, а монголо-татарскіе отличаются минералогическою мертвенностью.

Подъ именемъ внутренней жизни я разумѣю, помимо разнообразія корня въ нарѣчіяхъ, еще разнообразіе его въ составѣ при оттѣнкахъ значенія; такъ напримѣръ, *чи*—ѣсть, *ши* (шань, цань)—пища, *сы*—кормить, или: *сы*—умереть, *ша*—умертвить, *ши*—трупъ, *санъ*—погубить, также *лэ*—радоваться, *ё*—музыка; или *цзянь*—видѣть, *сянь*—являться—принадлежатъ одному корню; въ китайскомъ языкѣ достаточно одного измѣненія ударенія (шанъ—верхъ, шàнъ—всходить; санъ—похороны, сàнъ—погубить; чу—мѣсто, чжу—жить, чý—помѣщать), чтобы сообщить оттѣнокъ значенію. Тибетскій языкъ также, при односложности,

подходитъ, въ этомъ случаѣ, къ китайскому: *тоъ* — находи, *таъ* — нашелъ, *пэъ*—прибылъ, *паъ*—опустился, *чукъ*, *чжукъ*, *вшукъ*, и т. д. вотъ что я называю внутреннею жизнію.

Если на моносиллабическіе языки смотрѣть, хоть не какъ на остатки древнѣйшаго человѣческаго слова, а какъ на памятники, по которымъ можно возвыситься до сужденія объ этомъ словѣ, слѣдовательно, какъ на краеугольный камень филологіи, то мы находимъ, что осмысленнаго изученія моносиллабическихъ языковъ никто еще и не начиналъ. Никто не станетъ отрицать, что китайскій языкъ, въ средѣ этихъ моносиллабическихъ языковъ, представляетъ матеріалы самые древніе; между тѣмъ филологія его обходитъ и исключаетъ изъ своей среды; а что сдѣлали до сихъ поръ спеціалисты синологи? Догадались ли они разобрать древнія книги и указать въ нихъ варіанты различныхъ нарѣчій, давшихъ различные оттѣнки древней письменности? Разработали ли они существующія по нынѣ китайскія нарѣчія? Обратили ли вниманіе на скрывающіеся въ одномъ и томъ же словѣ различные корни? Подмѣтили ли даже, какъ мы сейчасъ указали, на скрывающійся въ двухъ словахъ одинъ и тотъ же корень (*гоу* и *кюань*— собака, *цзянь* и *лань*—видѣть)! Кто подумалъ о сравненіи корней китайскаго языка съ санскритскимъ? А между тѣмъ, можетъ-быть, какъ я предполагаю (на сколько мнѣ извѣстенъ санскритскій), эти корни общіе; по той же методѣ, по которой я въ этой статьѣ разбираю отношеніе китайскаго языка къ среднеазіатскимъ, можно отыскать объясненіе флексій, суффиксовъ, префиксовъ и даже синтаксическихъ уклоненій, по крайней мѣрѣ, въ арійскихъ языкахъ.

Слѣдовательно, для филологіи, чтобы представить языки въ ихъ общей связи, сказать рѣшительно послѣднее слово, былъ ли языкъ одинъ или нѣтъ, хоть въ той части свѣта, въ которой мы живемъ, еще много предстоитъ работы. Чтобы возбудить эту работу, указать на ея важность и выискать возможность сличенія тамъ, гдѣ мы и не ожидали, мы и прибѣгаемъ въ настоящей статьѣ къ этому опыту.

Я понимаю, что не удовлетворитъ вполнѣ мой трудъ филологовъ; имъ покажутся, можетъ быть, странными мои филологическіе взгляды; потому я и спѣшу оговориться, что выражаю здѣсь не какіе-нибудь общіе выводы для языка, или что то же самое, для всѣхъ языковъ. Нѣтъ, я выражаю здѣсь только тѣ понятія, которыя составились сами собой, своеобразно, при большемъ или меньшемъ знакомствѣ съ двумя моносиллабическими, тремя приставочными и нѣсколькими флексив-

6*

ными языками въ общей связи этихъ трехъ групъ. Жалѣю, что время не позволило мнѣ ознакомиться съ трудами другихъ ученыхъ, но еще болѣе сожалѣю о томъ, что за вдумываніе, которое внесъ и въ двѣ первыя групы языковъ—моносиллабическую и приставочную, принялся очень поздно и не могъ посвятить себя всецѣло его разработкѣ. Да, я напередъ долженъ оговориться, что въ настоящихъ замѣчаніяхъ не должно видѣть всесторонне прослѣженнаго труда, на который употреблено было много времени на изысканія; для этого въ настоящее время нѣтъ и не было никакой возможности; да если бы я и имѣлъ время, то конечно, и настоящихъ замѣчаній не имѣлъ бы возможности изложить, такъ какъ разработка китайскихъ корней требуетъ цѣлой жизни. Китайскій языкъ и его литература требуютъ такого разнообразнаго труда, что одному человѣку нельзя во всемъ равно успѣть, а между тѣмъ, чѣмъ больше изучаешь, тѣмъ болѣе выступаютъ все новые и новые вопросы, которые имѣютъ притягательную силу, и которыхъ хотѣлось бы коснуться. Отъ этого-то я не могъ посвятить себя филологіи всецѣло; потому что мнѣ надобно было быть и историкомъ; я не историкъ, потому что мнѣ нужно быть и географомъ; я не географъ, потому что надо знать литературу; я не историкъ литературы, потому что нельзя не коснуться религій; я не богословъ, потому что долженъ быть и антикваріемъ....

Извѣстно, что я коснулся въ моей ученой дѣятельности всѣхъ этихъ предметовъ, и потому отъ меня нельзя требовать окончательной обработки ни одной части. Но я не думаю себя винить; всякій занимается тѣмъ, къ чему способенъ, и я гораздо болѣе считаю для себя и для настоящаго времени почетнымъ — внести въ науку одну или двѣ свѣжія идеи, которыя расшевелили бы ее, чѣмъ дарить тяжеловѣснымъ спеціальнымъ трудомъ, который, въ свое время, при развитіи науки, окажется все-таки ученою игрушкой.

Языки маньчжурскій, монгольскій и татарскій поражаютъ насъ не столько взаимнымъ сходствомъ словъ, сколько своимъ граматическимъ единствомъ; если приставки и различны по корню, то въ каждомъ языкѣ каждая приставка почти всегда равносильна соотвѣтствующей приставкѣ другого, и притомъ количество и употребленіе ихъ во всѣхъ трехъ языкахъ почти одинаковы.

Но еще болѣе поражаетъ насъ сходство синтаксическое; для того чтобы перевести съ одного языка на другой, переводъ чисто под-

строчный будетъ самымъ лучшимъ и вѣрнымъ. Конечно, въ турецко-татарскомъ, какъ болѣе подвергшемся вліянію западныхъ флексивныхъ языковъ, найдутся уклоненія, но они едва-ли значительны.

Однакожь, если мы знаемъ, что арабскій языкъ, при всемъ своемъ вторженіи въ языки народовъ, исповѣдующихъ магометанство, не могъ измѣнить ихъ этимологическаго склада, что, не смотря на общеизвѣстное давленіе китайскаго языка на японскій, послѣдній, забывъ почти совсѣмъ свои слова, удержалъ собственные этимологію и синтаксисъ, то должны заключить a priori, что или когда-то и гдѣ-то на языки взятые нами было черезъ-чуръ самое сильное давленіе какого-нибудь посторонняго, или всѣ они суть развѣтвленія одного и того же языка.

Я долженъ напередъ сказать нѣсколько словъ о томъ, почему въ этой статьѣ обращаю болѣе вниманія на подмѣченныя мною отношенія къ китайскому языка маньчжурскаго, а не другихъ. Дѣйствительно, въ свое время монгольскій и татарскій языки были первыми изъ восточныхъ, которые я началъ изучать; монгольскій языкъ былъ постоянно употребляемъ мною въ продолженіи десяти лѣтъ въ Пекинѣ, потому что у меня не переводились знакомые изъ Монголовъ, а однакожь, я не могу говорить и теперь о монгольскомъ того, что скажу о маньчжурскомъ; а можетъ-быть, говоря объ отношеніяхъ монгольскаго языка къ китайскому, нашлось бы сказать еще болѣе; то же самое, можетъ-быть, пришлось бы повторить и о татарскомъ, и о тибетскомъ, который я изучалъ всего болѣе. Однакожь скажутъ, что и до меня въ Россіи и въ Европѣ было много лучшихъ знатоковъ маньчжурскаго; почему же никто изъ нихъ до сихъ поръ не говорилъ того, что я буду говорить. Но вѣдь еще чуть ли и нынѣ, всѣмъ и каждому не запрещается учеными филологами касаться китайскаго языка, какъ исключительнаго, не имѣющаго никакой связи съ другими языками, живущаго какою-то особенною, не подходящею подъ общіе законы человѣческой рѣчи, жизнью. Что же мудренаго, что полагаясь на рѣшительный тонъ ученыхъ, и я, подобно мѣщанину Мольера, не знавшему, что онъ говоритъ прозой, никогда не подумалъ бы о сравненіи маньчжурскаго или какого бы то ни было среднеазіатскаго языка съ китайскимъ, если бы мнѣ не пришлось преподавать долгое время китайскій языкъ совмѣстно съ маньчжурскимъ. Разбирая при преподаваніи маньчжурскія слова, я, естественно, гдѣ была очевидность, указывалъ на сходство маньчжурскаго языка съ китайскимъ; затѣмъ болѣе и болѣе расширялъ эту очевидность и отъ нея переносился къ болѣе отдаленнымъ формамъ. То, что я буду говорить здѣсь, это

уже остатокъ отъ воспоминаній, очень твердо врѣзавшійся въ моей памяти. Я не прибѣгаю ни къ какимъ даже справкамъ; но если мои предположенія покажутся при всемъ этомъ вѣроятными, то изысканія будущихъ ученыхъ могутъ собрать на этомъ же поприщѣ только еще болѣе новыхъ фактовъ изъ той же категоріи.

Эньдуринггэ гожинга хуанди эчжэнь и кэшн шанкахань иланъ аніямо гойдамэ алимэ гайра бэ гурунь боой битхэ данcэ дэ эчжэхэ би — о милостяхъ и наградахъ, полученныхъ въ продолженіи трехъ лѣтъ отъ августѣйшаго и милосердаго монарха, записано въ государственныхъ актахъ.

Кто въ этихъ словахъ маньчжурскаго языка, который нѣкоторые дерзкіе пытались сравнивать по благозвучности съ греческимъ, можетъ подозрѣвать какое-нибудь родство съ тощимъ, птичьимъ китайскимъ? И однакожь, какъ мы увидимъ, эта довольно длинная фраза принадлежитъ всецѣло китайскимъ корнямъ. Но если бы мы вздумали объяснять каждое изъ приведенныхъ здѣсь словъ отдѣльно, то насъ, конечно, могли бы заподозрить въ пристрастіи, въ натяжкѣ; поэтому мы и не займемся частностями, а постараемся эти частности включить въ формы, приведенныя въ систему, такъ что приведенныя сейчасъ слова маньчжурскаго языка всѣ можно отыскать ниже въ курсивѣ.

Въ маньчжурскомъ языкѣ есть много словъ односложныхъ, сходныхъ или буквально, или съ нѣсколькими, очень понятными измѣненіями, съ китайскими: *моо* (к. му) дерево, *дэнь* (дянь) зала дворцовая, *боо* (кит. у, ву, тат. ау, мнг. гэръ отъ кит. гія, цзя) домъ, *цзюй* (цзы) сынъ, *босо* (бу, мн. бусъ) холстъ; *дэо* (м. дэгу — о наростаніи будетъ говорено ниже) отъ кит. *ди* младшій братъ, *яфань-юань* садъ; *су-мби* к. *су* и *шу* распутывать, объяснять, *хафань* отъ *гуань* чиновникъ, *вэ* (кит. *хэ*, монг. *хэнь*, турец. *кэмъ*), кто, *изимби* приходить (кит. цзинь), *суй* (к. цзуй) вина, *гойдамби* продолжаться (к. гю долго, давно), *гаймби* брать (кит. *кюй*, цюй; отсюда тат. *кулъ*, монг. *гаръ*, маньчж. *гала* — рука), *сайнь*, кит. *шань* или *сянь* хорошій. При этомъ замѣтимъ только одно, что буква *цз* въ маньчж. постоянно переходитъ въ *с*, только слова *цзюй* (чжуй), *цзимби* (чжимби) не подходятъ подъ это правило. Они, должно быть, читались сначала вмѣсто *цз* чрезъ *чж*, или можно допустить, что въ одно время маньчжурскій языкъ допускалъ принятіе *цз*, а въ другое требовалъ его измѣненія.

Есть много и двусложныхъ, которыя и въ кит. состоятъ изъ двухъ іероглифовъ: *хуанъ ди* государь, *данcэ* (даньцзи) реестръ,

хошань, *хэшань* бонзъ, *хіоошунь* кит. сяошунь—(хяошунь) дѣтская почтительность, *цзиншунь* кит. *цзинъгунъ* почитать, *донцзи* отъ *тинъ цзянь* слышать; *коольи* (м. хооли), *цзъ-ли* законъ, *кэши* (монг. кэшикъ, откуда и извѣстный монгольскій аймакъ кэшиктэнъ) милость, к. *хуйши*; *пужу* к.—*путоу* виноградъ.

Замѣчательно, что маньчжурское слово *чжанинь* (мг. цзанги) офицеръ происходитъ отъ китайскихъ словъ: *чжанъ инь* — держащій печать, то-есть, сановникъ или чиновникъ, у котораго по должности всегда есть печать; дикари Маньчжуры у себя, конечно, не знали никакихъ чиновъ, но Китайцы давали тѣмъ изъ нихъ, съ которыми вступали въ сношенія, различныя титулы, и всегда при этомъ всучивали печать; названіе *чжанъ инь* при первыхъ порахъ династіи маньчжурской давалось первостепеннымъ чиновникамъ. Сверхъ того, въ самомъ маньчжурскомъ языкѣ нѣтъ объясненія этому слову. Однакожь мы видимъ, что послѣ Китайцы переписывали маньчжурскій чинъ *чжанъ-ина* совсѣмъ другими іероглифами, чѣмъ тѣми, которыми пишутся слова: держать печать, то-есть, Китайцы не узнали въ маньчжурскомъ языкѣ своего собственнаго слова. Изъ этого ясно, какіе плохіе филологи Китайцы, и имъ ли было толковать о среднеазіатской филологіи; слѣдовательно, нельзя отвергать указываемаго нами сродства на томъ только основаніи, что Китайцамъ всего ближе было бы замѣтить сродство своего языка съ другими. Если въ прошломъ столѣтіи ученые Китайцы сдѣлали изъ Багдада Богдо, изъ Алималика Армуръ, изъ Иранъ Яланъ, то мы должны сказать спасибо, что Китайцы, не умѣющіе разработать и своего языка, не берутся за чужіе.

Но слова, мало измѣненныя, не представляютъ ничего особеннаго, и вторженіе ихъ изъ одного языка въ другой всеобщее; болѣе интересно наблюдать, какъ эти слова перерабатываются въ примѣненіи къ требованіямъ заимствовавшаго ихъ языка и кажутся его родными.

1) Мы находимъ въ маньчжурскомъ языкѣ китайскія слова, съ наращеніемъ впереди гласныхъ: *ахунь* отъ *хюнъ* или *сюнъ* старшій братъ, *алинь* отъ *линъ* гора (тиб. ла, монг. агула чит. ула), *али-мби* брать, кит. *линъ* (тиб. лэнь, тат. ал-макъ) получать, *аня* (кит. нянь, монг. онъ) годъ, *или-мби* отъ *ли* стоять, *эчжэнь* отъ *чжу* государь *эчжэмби* отъ *цзи*, *чжи* замѣчать, *умэ* (чит. умо) отъ *мо* не (запретительное повелительное какъ въ томъ, такъ и въ другомъ языкѣ), *ябу* (монг. ябо) ходи (въ кит. *бу* шагъ); *яцинь* кит. *цинъ* черный.

2) Передъ этими гласными являются въ свою очередь наростанія изъ согласныхъ *ı*, *х*, *б* и проч.

Гъжинь к. *жэнь* любовь, *гунинь* к. *нянь* мысль, *хуцинь* к. *цзинь* колодезь, гэсэ к. сы — подобный, *бодо* к. *ду* размышлять, *вацзи* кит. *цзинь* кончить, *муке—хэ* вода, рѣка, *хэчэнь*—кит. *чэнь* городъ (м. хотонъ, хотянь) *никань*—кит. *хань* Китаецъ.

3) Иногда и послѣ гласныхъ съ нарощеніемъ или безъ нарощенія впереди согласныхъ вставляются еще *й* или согл. *р. л*: *айсинь*—*цзинь* золото (*цз* въ маньчж. постоянно переходитъ въ *с*), *айна-хо* ежели, *айфу-фу* нарушить обѣщаніе, *элхэ*—кит. *хэ* спокойный, *илха*—кит. *хуа* цвѣтокъ, *албань-бань* подать, дань (кит. очередь, назначенная вассаламъ для приношенія дани), *арвунь*—кит. *сунь* ростовъ, *уксунь* происходящій отъ царскаго рода, кит. цзунъ, *акдунь-ду-дунь* вѣрность, *окто* лѣкарство отъ кит. *ду* (въ монг. *акта* жеребецъ, тиб. рта, въ тат. *акча* деньги — кит. *цянь*; отъ этого же *цянь* между тѣмъ другимъ путемъ образовались маньчж. *цзиха*, превратившееся въ монгольскомъ въ *чжоюсъ*, — русское *чохъ* — мѣдная монета. Нѣтъ сомнѣнія, что монг. *ордо*, тат. юртъ царское мѣстопребываніе, столица происходитъ отъ кит. *ду* столица).

Мы опасаемся здѣсь говорить кратко о такихъ словахъ, въ которыхъ корень китайскій представляется въ болѣе измѣненномъ видѣ; потому что, не пускаясь въ подробное объясненіе фонетики, мы показались бы преувеличающими дѣло; такъ, напримѣръ, мы не беремся здѣсь объяснять, какимъ образомъ монгольско-маньчжурское *арга* хитрость могло произойдти отъ *фа*. Но мы должны замѣтить, что китайскій языкъ самъ по себѣ представляетъ такое странное родство буквъ, о которомъ не возможно сначала и подумать. Извѣстно, что одинъ іероглифъ берется тамъ часто для чтенія другаго, иногда съ тѣми же совершенно буквами, но иногда (и это во множествѣ случаевъ) съ буквами родственными; такимъ образомъ мы видимъ тамъ переходъ *с* въ *ш*, *ш* въ *ч*, *ч* въ *чж*, *чж* въ *д*, *д* въ *т*; съ другой стороны, *с* является въ родствѣ съ *х*, *г*, *к*, *ц*, *цз*. Это показываетъ, что въ мѣстностяхъ, въ которыхъ составлялся сложный іероглифъ, онъ читался такъ, какъ та часть его, которая бралась для означенія чтенія; другими словами, что въ Китаѣ, съ древняго времени существовало множество нарѣчій, что подтверждается и древними памятниками, и настоящимъ состояніемъ разговорнаго языка китайскаго.

Но для примѣра мы позволимъ себѣ указать здѣсь только на возможность производить и такое маньчжурское слово, какъ *илань* три, котораго напрасно ищемъ въ другихъ извѣстныхъ намъ языкахъ, отъ китайскаго *сань*—три. Въ китайскомъ языкѣ оказывается, что буквы

ц и *цз* во многихъ іероглифахъ по звуку тѣ же, что и *л*, такъ что, напримѣръ, іероглифъ *цзянь* употребляется и для чтенія *лань*. Но это бы еще ничего; оказывается, что слова съ *цз* и *л* однозначущи, *цзянь* и *лань* — оба значатъ видѣть, *цзинь* и *линь* — сосѣдъ; *цзюй* и *люй* толпа, *цзъ* и *лъ* всѣ (изъ цзѣ вышло маньчж. множественное число *сэ*, изъ *лъ* татарское ляръ, лэръ, монг. наръ, нэръ, тибетское намъ). Въ Шицзинѣ слово рогъ читается *лу*, нынѣ тотъ же самый іероглифъ читается *цзё*. Китайскій іероглифъ (прописной) *сань* три читается также *цы* и *цань* (три), а отсюда уже недалеко по приведеннымъ примѣрамъ дойдти до *илань*. Возьмемъ еще въ примѣръ маньчжурское слово *инэнги* — день; кажется, какое тутъ сродство съ китайскимъ *жи*,—но вотъ предъ нами слово *чанами* третьяго дня; это уже легко сравнивать съ однозначущимъ китайскимъ *цяньжи* (*ц* легко перешло въ *ч*); и дѣйствительно, въ тибетскомъ, родственномъ китайскому, *жи*, значущее и солнце, читается *ньи*. Сличая отношенія китайскихъ корней съ измѣненіями ихъ въ двухъ, лежащихъ на противоположныхъ окраинахъ, языкахъ—тибетскомъ и маньчжурскомъ, мы находимъ, что китайскій звукъ *эрлъ*—сродственъ съ *ни*, а оттуда и съ *жи*. Всѣ слова, произносящіяся нынѣ *эрлъ*, въ самыхъ китайскихъ лексиконахъ обозначены какъ читающіеся *ни*; нынѣ мѣстоименіе ты сохранило въ разговорѣ древнее чтеніе *ни*, но въ то же время, іероглифъ, показывающій его чтеніе, читается нынѣ *эрлъ*, и есть другое древнее слово, читаемое нынѣ *эрлъ*, значащее также ты; нынѣ два по китайски говорится *эрлъ* (отсюда варіантъ лянъ), но классическое его чтеніе *ни*, и въ тибетскомъ языкѣ два — *ньй* [1]).

---

[1]) Я давно уже пришелъ къ тому убѣжденію, что городъ *Эрши* въ Туркестанѣ, по имени котораго названъ знаменитый завоеватель западнаго края *Ли Гуанъ ли* Эршійскимъ, долженъ читаться *Нииши*, и что, слѣдовательно, самое имя побѣдителя читается нами неправильно. Напрасно отыскивали бы мы городъ Эрши, но названіе Нишбуръ, то-есть, Ниша или Нисапура, является на картахъ, только гораздо западнѣе того мѣста, въ которомъ мы его полагаемъ. Если такого города и не существовало восточнѣе, то это только служитъ доказательствомъ, какъ плохи еще наши историческія свѣдѣнія о вліяніи Китая на западъ въ эпоху I-го столѣтія до Р. Х. Это вліяніе, какъ и заимствованія оттуда, были гораздо сильнѣе, чѣмъ мы предполагаемъ. Китайцы не любили западныхъ странъ; потому что ихъ самолюбіе оскорблялось мыслію сознать превосходство другихъ, подтверждая это сообщеніемъ о заимствованіи; притомъ еще династія, которая сочиняетъ исторію своей предшественницы, неохотно говоритъ о ея славѣ. Поэтому, что мудренаго, что до насъ дошло очень мало точныхъ свѣдѣній о первыхъ сношеніяхъ Китая съ западомъ. Въ новѣйшее время китайскіе ученые предполагаютъ, что завоеванія Чингисъ-хана не заходили далѣе

Мы пустились однакожь въ эти объясненія, чтобы здѣсь же доказать, что маньчжурское *иэ* (гэ, га, го), которое приставляется къ глаголамъ для обозначенія подлежащаго, или опредѣляемаго, прибавляется и къ существительнымъ для превращенія ихъ въ прилагательныя (какъ выше: *эндуриигэ, гочжиига*) — одно и то же, что китайское *чжэ*, которое также означаетъ и подлежащее (тиб. *ни*, монг. *ану*), и прилагательное.

Но если китайское *жи* въ значеніи дня перешло въ *ни*, а въ значеніи солнца въ *шунь*, и если это видоизмѣненіе корня въ различныхъ значеніяхъ, въ различныхъ формахъ замѣчается не рѣдко (арга и фада-мби чародѣйствовать), то должно думать, что такое вторженіе въ языкъ происходило неодновременно, и тутъ, конечно, нѣтъ ничего удивительнаго. Одно значеніе сдѣлалось уже обродненнымъ, когда корень вносится новыми пришельцами.

Уже вышеприведенныя нѣсколько словъ показываютъ, что кромѣ

Каргизскихъ степей; мы уже говорили, что они *Иранъ* превратили въ *Иланъ* (иланъ, змѣя), а *Багдадъ* въ *Богдо*, и находятъ его въ Цзюнгаріи. Маньчжурской династіи, тяжело сознаться, что она не такъ далеко зашла, какъ юаньская. Но только недавно я обратилъ вниманіе на знаменитый китайскій лексиконъ Эрлъ-Я. Лексиконъ этотъ считается самымъ древнимъ, чуть-ли не свыше 1.000 лѣтъ до нашей эры. Синологи, заглядывавшіе въ эту книгу, вѣрно сознаются, что ихъ поражало множество неизвѣстныхъ и неупотребительныхъ словъ. Съ перваго разу даже трудно добиться, о чемъ говоритъ эта книга, и когда она составлена. Но хоть и найдутся еще Европейцы, защищающіе эту китайскую древность, однакожь, сами ученые Китайцы сознаются, что редакція нашего лексикона поздняя, потому что въ нее вошли фразы, заимствованныя у позднѣйшихъ писателей. Мы находимъ въ ней такія слова, которыя доказываютъ, что эта редакція не могла быть ранѣе открытія Китаемъ западнаго края, прежде знакомства съ индѣйскимъ образованіемъ. Такъ говорится о *Ванъ му*—матери боговъ, жившей на западѣ, упоминается о мѣсяцѣ *Шушика*, носящемъ явно характеръ иностраннаго слова. Но положимъ, что книга составлена была ранѣе, а въ нее вошли позднѣйшія вставки. Однакожъ что значитъ по китайски Эрлъ-я? Китайцы даютъ этому названію толкованіе: близкаго къ истинѣ. — Что за чушь въ названіи лексикона!—очевидно, что это натяжка, не имѣющая смысла Но если читать вмѣсто Эрлъ-я—*нія*, то это слово напоминаетъ санскритское *нія* — названіе извѣстной философской школы, отличавшейся анализомъ. Разсматривая составъ лексикона, находимъ, что онъ синонимическій, начинается съ опредѣленія—какими словами выражается слово: начало. Невольно приходитъ на мысль, что китайскій лексиконъ Эрлъ-я есть, можетъ-быть, только простой переводъ какого-нибудь древняго санскритскаго лексикона, — оттого авторъ и долженъ былъ прибѣгать и къ выдумкѣ новыхъ словъ, и къ приданію существовавшимъ не принадлежащаго имъ смысла.

наростанія спереди китайскаго корня, происходило и измѣненіе его въ окончаніи (чжу-эчжень, цзы-цвюй, цзинь-цзи и т. д.)—*битхэ* книга (монг. бичикъ, тат. бит-макъ) происходитъ отъ китайскаго *би* кисть, которою пишутъ. Между прочими измѣненіями въ окончаніяхъ мы будемъ говорить здѣсь, какъ о болѣе характеристичной, о приставкѣ къ китайскому корню (иногда въ измѣненномъ за то окончаніи) буквы *р*, предшествуемой и послѣдуемой гласными, въ свою очередь предшествуемыми и послѣдуемыми согласными. Мы беремъ прежде всего слово персикъ, такъ какъ извѣстно, что Китайцы познакомились съ нимъ во II вѣкѣ до Р. Хр. въ Туркестанѣ, и только чрезъ Китайцевъ узнали его Маньчжуры. По китайски персикъ *тао*, по маньчж. *торо*. На этомъ основаніи мы легко убѣждаемся, что и *дао* путь слышно въ маньчж. *доро* (монг. туру), *го* государство въ *гурунь*, *му* видъ въ *мурунь*, *хай* вредъ въ *коро* (монг. хооръ), *гэ* раздѣленіе въ *горо* далекій; идемъ далѣе: — *фу* въ *фучжури* и *хутури* счастье, богатство, *шэнь* духъ въ *эндури*. Это отбрасываніе *ш* отъ китайскаго корня наводитъ насъ на мысль, что маньчжурское—*эринь* время едва-ли не происходитъ отъ кит. *ши*. По этому производству и *оронь* мѣсто, прежде всего означавшее мѣсто, занимаемое созвѣздіями, происходитъ или отъ кит. слова *су*—созвѣздіе или *шу* мѣсто,—мѣсто, въ которое вставляется ножка двери. Отсюда происходятъ монгольскія слова *уруна* и *дорона-изукъ* востокъ и западъ. (Такимъ образомъ, *д* есть остатокъ отъ кит. слова *дунъ* востокъ, а *у* сокращеніе изъ *си* западъ. Слова *Иранъ* и *Туранъ* не отсюда ли должны быть объясняемы?) *Судури* исторія (монг. судуръ) едва-ли еще происходитъ отъ санскритскаго *сутра*, а не прямо отъ китайскаго *ши*.

Для насъ всего интереснѣе, конечно, будетъ производство *моринь*, откуда нашъ меринъ, отъ китайскаго слова *ма* лошадь. При этомъ мы замѣчаемъ, что такія окончанія болѣе свойственны маньчжурскому, а не монгольскому языку, то-есть, что уже чрезъ маньчжурскій языкъ вошли въ монгольскій, а не прямо заимствованы послѣднимъ изъ китайскаго. Что это немудрено объяснить, стоитъ только припомнить, что Чингисханову владычеству предшествовало владычество маньчжурскаго Агуды.

Другое не менѣе интересное для насъ слово будетъ маньчжурское *батуру*, превратившееся въ монгольскомъ въ *багадуръ* (о томъ, какъ явился складъ *га*, будетъ говорено ниже), а у насъ являющееся въ обоихъ видахъ (батырь и богатырь). И здѣсь тоже должно замѣ-

тить, что по окончанію *туру*, свойственному маньчжурскому языку, *бандуръ*, заимствовано изъ послѣдняго, и потомъ заимствователями разнесено по всему свѣту вмѣстѣ съ побѣдами. Что же значить кит. корень *ба*—(замѣтимъ, что и въ тиб. богатырь *ба* дба)? Ба значить держать крѣпко (монг. бариху, маньчж. бахамби), вырывать, преграждать (плотина), кабанъ и проч.; вообще всѣ слова въ кит. относящіяся къ звуку *ба* означають силу, насиліе, твердость. Отсюда же можно объяснить и турецкое *бай* (монг. баянь) богатый; хотя нынѣ на китайскомъ языкѣ богатый выражается словомъ *фу*, но фонетическая група этого звука прилагается и къ словамъ, читающимся *ба*; сверхъ того, очень немудрено, что и слово отецъ *фу* (тиб. па) читалось хоть въ нѣкоторыхъ нарѣчіяхъ *па* и *ба*. Но намъ кажется, что и не надобно пускаться такъ далеко въ филологическія изысканія о словѣ *ба*: оно на востокѣ сдѣлалось знаменитымъ историческимъ названіемъ героя, воспоминаемаго и донынѣ въ китайскомъ народѣ. Это былъ Сянъ цзи, уничтожившій окончательно династію Цинь (основанную—Цинь ши хуанъ ди), распоряжавшійся всѣмъ Китаемъ, но послѣ погибшій отъ хитраго Лю банъ, основателя Ханьскаго дома. По китайскимъ понятіямъ названіе *Ба* съ этого времени дается тому царю, который пріобрѣлъ власть не добродѣтелями, но силою оружія.

Европейцы переводятъ это *ба* словомъ деспотъ, но ему болѣе соотвѣтствуетъ первоначальное значеніе слова: герой, императоръ. Такимъ образомъ, звукъ *ба* могъ войдти въ маньчжурскій языкъ не только въ главномъ, отвлеченномъ его значеніи, но и съ воспоминаніемъ о храбромъ императорѣ. Что же касается до того, что слово *батуру* нынѣ не имѣетъ важнаго значенія, такъ мы увидимъ ниже, что и другія китайскія титла: *Цзайсанъ*, *тай ѕи*, означающія въ Китаѣ первыхъ чиновъ имперіи, тоже нынѣ въ средней Азіи придаются незначительнымъ личностямъ.

Мы не знаемъ особенностей киданьскаго языка, почитаемаго посредствующимъ между монгольскимъ и маньчжурскимъ; можетъ-быть, и въ немъ уже было окончаніе *р* съ гласными впереди и послѣ. Что касается до происхожденія этого самаго окончанія, то оно объясняется простонароднымъ китайскимъ языкомъ, въ которомъ во многимъ словамъ прибавляется суффиксъ эрлъ (еще цзы и тоу)— и теперь еще говорятъ *таорлъ*, мао-рлъ и проч. Маньчжурскій языкъ не терпитъ двухъ согласныхъ да и гласныхъ вмѣстѣ; потому онъ или

передѣлываетъ гласную китайскаго корня, или передъ слѣдующею гласной вставляетъ еще согласную [1]).

Происхожденіе окончанія на *р* въ маньчж. языкѣ однакожь объясняетъ его относительную древность; если, какъ мы уже замѣтили выше, читающійся нынѣ въ китайскихъ словахъ *эрлъ* есть звукъ новый, появившійся, можетъ-быть, только послѣ Р. Хр. то понятно, что и маньчжурскій языкъ заимствовалъ его не ранѣе этого времени.

Такимъ образомъ мы видимъ, что односложный китайскій корень превращается въ маньчжурскомъ языкѣ, не прибѣгая еще къ грамматическимъ вставкамъ и приставкамъ, въ двухъ и трехъ-слоговыя слова. Спрашивается — отчего происходитъ такое превращеніе? На первый взглядъ отвѣтъ, кажется, готовъ: того требуетъ духъ заимствующаго языка; такъ, въ новѣйшее время, когда Маньчжуры переводили на свой языкъ китайскія книги и встрѣчали въ нихъ слова, не существовавшія въ своемъ, то давали китайскому произношенію только маньчжурскую форму, то-есть, или измѣняли нѣсколько букву, или передѣлывали начало или конецъ, или то и другое вмѣстѣ. Объ этомъ процессѣ можно сказать, что онъ производился по духу маньчжурскаго языка. Но если мы зададимся убѣжденіемъ, что всѣ маньчжурскія слова происходятъ отъ китайскихъ корней, то что же мы должны будемъ назвать духомъ маньчжурскаго языка? Вѣдь тогда мы, всего естественнѣе, должны сказать, что китайскій языкъ имѣлъ или имѣетъ способность къ превращеніямъ, сообразно съ мѣстностію, съ природой, вліяющею на организмъ человѣка. На своей родинѣ онъ сдерживается въ сжатой, моносиллабической формѣ своею особенною письменностью; забывши ее, или освободившись отъ нея, на чужбинѣ, онъ, какъ и другіе языки, получаетъ способность разростаться, — но не теряетъ ли при этомъ своего богатства, своей гибкости? Это мы увидимъ.

Спрашивается, сколько китайскихъ корней въ маньчжурскомъ языкѣ? Съ показанными признаками, конечно, нельзя сказать, чтобы весь языкъ заключалъ въ себѣ китайскіе корни. Мы упомянули уже, что не позволяемъ себѣ никакой натяжки, которая, при первомъ разъясненіи предмета, заставитъ скорѣе заподозрить дѣйствительность разъясненія; сверхъ того, мы только ниже будемъ говорить объ об-

[1]) По образцу хутури—счастіе составлено и мэдэри—море. Мы имѣемъ основаніе думать, что нынѣшнее китайское названіе моря *хай* не есть древнее, потому что звуковая часть его іероглифа читается *мэй*; кромѣ того, извѣстное названіе Шамо переводятъ: песачное море.

разованіи изъ китайскихъ корней маньчжурскихъ глаголовъ. Но намъ кажется, что можно было бы принять за правило, что количество корней одного языка въ другомъ опредѣляется количествомъ граматическихъ знаковъ, правилъ, внесенныхъ въ этотъ языкъ, и потому познакомимся съ маньчжурскою этимологіей.

Мы выше уже сказали, что китайскій языкъ надобно считать приставочнымъ; въ немъ есть слова, отдѣльно стоящія, но показывающія падежъ, число, время, залогъ, подлежащее, нарѣчіе и проч. Но вотъ въ чемъ разница: въ китайскомъ языкѣ всѣ эти приставки сохранили, большею частію, свое первоначальное значеніе. Эти слова не мертвыя частицы (хотя и Китайцы ихъ называютъ пустыми буквами, заимствуя такое названіе отъ знакомства съ санскритскимъ) а именно тѣ оживляющія рѣчь слова, на которыхъ основаны связь и смыслъ рѣчи; это глаголы болѣе живые, болѣе необходимые для понятія, чѣмъ другіе глаголы, встрѣчающіеся только для самихъ себя, а не для рѣчи вообще; это болѣе, чѣмъ приправа,—это кухня языка. Что бы ни говорили, а нельзя представить себѣ первоначальнаго языка прямо съ суффиксами и префиксами, съ флексіями, безъ ихъ первоначальнаго значенія. Эти глаголы китайскіе означаютъ, по большей части, различные виды движенія, дѣйствія, и понятно, что для связи словъ, чтобъ ихъ сдвинуть, надобно было употреблять именно такія слова. Мы находимъ, что китайскій языкъ даже наши знаки препинанія выражаетъ словами — глаголами. Флексіи не то ли же, что приставки, только болѣе слившіяся съ языкомъ, такъ что трудно добраться до ихъ первоначальной формы? А приставки имѣютъ ли значеніе? Приставки, по крайней мѣрѣ, въ разбираемыхъ нами языкахъ, и притомъ въ падежахъ, а не во временахъ, обыкновенно называются послѣрѣчіями, соотвѣтствующими нашимъ предлогамъ. Но и предлогъ, равно какъ и союзъ, суть ничто иное, какъ первоначальная норма глагола; ими показывается передвиженіе словъ и предложеній или фразъ. Если смотрѣть съ этой точки на языкъ, то его богатство, или лучше сказать, сила (потому что богатство принадлежитъ корнямъ) зависятъ отъ количества тѣхъ вспомогательныхъ глагольныхъ корней, которые онъ сохранилъ въ своемъ языкѣ. Оттого китайскій языкъ, считаемый бѣднымъ, надобно считать однимъ изъ богатѣйшихъ; потому что онъ располагаетъ большимъ количествомъ вспомогательныхъ глаголовъ, и такъ какъ еще это глаголы, а не приставки или флексіи, потому въ немъ больше оборотовъ рѣчи, такъ какъ глаголъ можетъ стоять то впереди, то сзади;

затѣмъ тѣ же глаголы даютъ ему возможность до безконечности измѣнять оттѣнки мысли.

Разбираемые нами языки бѣдны и приставками, и оборотами рѣчи, или періодами, такъ что ихъ едва-ли можно назвать языками, принадлежащими первобытнымъ племенамъ.

Теперь спрашивается: приставки маньчжурскаго языка представляютъ ли сродство съ китайскими глаголами? Мы возьмемъ прежде приставку винительнаго падежа, такъ какъ и у насъ винительный падежъ часто сходенъ съ родительнымъ. Онъ въ маньчжурскомъ языкѣ отличается отъ другихъ средне-азіатскихъ (въ монг. *іи*=ги), въ тат. *ни* можно производить прямо отъ родительнаго падежа; въ тибетскомъ даже вовсе нѣтъ приставки винительнаго падежа); въ китайскомъ разговорномъ, отчасти и въ книжномъ, языкѣ, употребляются, когда понадобится, для винительнаго падежа глаголы: *цзянъ* намѣреваться, и *ба* брать. Послѣдній-то, мы полагаемъ, и перешелъ въ маньчжурскомъ языкѣ въ приставку *бэ* (читается *бо*). Конечно, мы не осмѣлились бы сдѣлать это предположеніе, если бы только одна эта приставка представляла небольшое сходство съ китайскимъ.

Приставки дательнаго падежа: въ тиб. *ду*, въ монг. *дуръ*, *доръ*, *да*, *дэ*, въ маньчж. *дэ*, конечно, родственны между собой; въ китайскомъ они обыкновенно выражаются глаголомъ *юй* или *цзи*, *гэй* (тат. *гэ*), которыя значатъ давать. Но въ этомъ же смыслѣ можетъ быть употребленъ и глаголъ *дуй*—противоположный, соотвѣтствовать, еще ближе глаголъ *дэ* получить (въ тиб. дэръ давать).

Родительный маньчж. *и* (монгол. инъ, тат. нинъ) представляетъ прямое сходство съ тибетскимъ *и*, ставимымъ послѣ существительныхъ, оканчивающихся на гласную; но въ послѣднемъ послѣ согласныхъ употребляется уже не *и*, а *ги*, *кьи* читай (чжи). Очевидно, что *и* и *чжи* принадлежатъ къ одному корню; въ среднеазіатскихъ языкахъ то и дѣло въ различныхъ нарѣчіяхъ произносятъ то *и*, то *чжи* (*иль*, *чжиль*, *иръ*, *чжиръ* и т. д.). Но тиб. *чжи* прямо сходно съ китайскимъ глаголомъ *чжи* идти, постоянно употребляемымъ для означенія родительнаго падежа. Сверхъ того въ китайскомъ языкѣ есть іероглифъ *и*, означающій также—идти, только онъ не употребляется для родительнаго падежа.

Но мы для того и не начали съ родительнаго падежа, чтобы показать маленькую особенность маньчж. родительнаго *и*. Онъ же, какъ говоритъ граматика, въ извѣстныхъ случаяхъ употребляется и для

означенія творительнаго падежа; разумѣется, съ натяжкою можно объяснить и переходъ родительнаго въ творительный, но только эта приставка та ли же самая? Въ тибетскомъ, говоря вообще, творит. падежъ выражается также немного похоже на *и*, прибавляя только краткую *й* (пишется однакожь *с*: ій — исъ). Но вотъ что̀ представляетъ намъ китайскій языкъ: творительный падежъ выражается въ немъ многими глаголами, между прочимъ глаголомъ *и* орудовать, чрезъ. Не слились ли въ одной маньчжурской приставкѣ два различные корня или глагола? Замѣчательно, что другое слово, тоже употребляемое китайскимъ языкомъ для означенія творительнаго падежа, почти утратившее значеніе: *эрлъ* вошло въ монгольскій языкъ тоже для творительнаго падежа; но, какъ мы сказали выше, *эрлъ* читалось *ни*, и по всему видно, что оно родственно *и*, вошедшему въ маньчжурскій языкъ. Изъ этого надобно заключить, что монгольскій языкъ сравнительно моложе маньчжурскаго.

Мы не рѣшились бы еще выводить, что въ родительномъ и творительномъ падежахъ маньчжурскаго языка два китайскіе корня, если бы къ этому не уполномочивало насъ еще болѣе интересное явленіе. Это предложная приставка *ци* (монг. *эцэ*, читай: *съ*, *эсъ*) — изъ, отъ. Кажется, послѣ приведенныхъ примѣровъ, все даетъ намъ право видѣть въ немъ кит. *изы*—изъ, отъ, выходить. Но если понятно, что это *ци* служитъ для означенія сравнительной степени (ты отъ добръ, то-есть, добрѣе тебя — въ кит. однакожь не употребляется), то какимъ образомъ объяснить употребленіе *ци* для означенія числительныхъ порядочныхъ (ила-ци третій) и потомъ для означенія условнаго времени въ глаголахъ (или—ци, если встанетъ)? Но вотъ что̀ мы находимъ въ китайскомъ языкѣ: *изы* значитъ, какъ мы сказали, изъ, отъ, а для означенія числительныхъ употребляется *цы*, что̀ значитъ порядокъ, а іероглифъ *ци* означаетъ условіе. Итакъ, въ одной маньчжурской граматической приставкѣ уже заключаются три китайскіе корня! И это-то именно объясненіе китайскими корнями, кажется, еще болѣе доказываетъ, что маньчжурскія приставки не родились въ своемъ языкѣ.

Знаки множественнаго числа, какъ извѣстно, рѣдко употребляются, когда впереди или послѣ стоятъ слова, указывающія множество (человѣкъ — всѣ, различные—человѣкъ); въ маньчжурскомъ только нѣкоторыя слова имѣютъ приставки или окончанія собственно множественнаго числа—*са*, *сэ*, *та*, *тэ* и проч. Но здѣсь гласныя соотвѣтствуютъ требованіямъ, сложившимся въ языкѣ, а *т* надобно прини-

мать за переходъ изъ *с* (въ монг. *би* я, множ. мы — *бида*). Такимъ образомъ выходитъ, что корнемъ окончаній множественнаго числа будетъ *сэ*, а мы уже выше сказали, что вездѣ китайское *цэ* въ маньчжурскомъ переходитъ въ *с*; въ китайскомъ же *цзя* — все есть одно изъ словъ, употребляемыхъ для означенія множественнаго числа; это слово уже сливается въ маньчжурскихъ словахъ, тогда какъ другія — *цзу*, *гэрэнь* (послѣднее образовалось по образцу *моро* или *морин*), происшедшія въ разное время; если не отъ одного и того же *цзя*, то отъ китайскаго *гэ* — каждый, стоятъ, какъ и въ китайскомъ, отдѣльно.

Прилагательныя во всѣхъ трехъ языкахъ не имѣютъ особенныхъ окончаній и не принимаютъ особыхъ приставокъ, когда стоятъ предъ существительными; одни же принимаютъ такія же падежныя приставки, какъ и существительныя. Какъ въ маньчжурскомъ, такъ и въ монгольскомъ языкахъ есть только уменьшительныя (а не увеличительныя, которыя выражаются перифразами) прилагательныя, оканчивающіяся какъ въ томъ, такъ и въ другомъ языкахъ на склады: *хань*, *хэнь*, *хонь*; въ этой приставкѣ нельзя не признать китайское *хань*: мало — ацзи-хань (монг. цзукэнь), малый, отъ китайскаго *цзи* нѣсколько.

Личныя мѣстоименія въ китайскомъ языкѣ должны были первоначально значить: первое лице: *цюй* — я (другая форма, какъ фонетическая група, также служитъ для означенія чтенія *юй*, отъ нея произошло во, нго, сродное съ тибетскимъ нга) говорящій (тиб. нгагъ — языкъ, нгагсъ — приказывать). Второе лице: *ни* или *эрл* значитъ близкій (тиб. нѣ), для третьяго лица имѣются *и* — особый, иной, иностранный и *та* — чужой. Въ маньчжурскомъ языкѣ для третьяго лица *и* удержалось безъ перемѣны, и если за первую форму принимать не *и*, а *инь*, то мы находимъ, что свойство фонетической групы *и* точно такое. Отъ этого *и* вышло, по объясненному выше способу, указательное *эрэ* сей, а отъ *та* относит. *тэрэ* — тотъ, общія какъ монгол., такъ и маньчж. языкамъ, съ тѣмъ различіемъ, что *тэрэ* въ монгольскомъ употребляется и для означенія третьяго лица. Нѣтъ сомнѣнія, что татарское *у*, уль онъ (указат. бу) также сродно съ *и*, потому что въ родительномъ падежѣ имѣютъ аннгь (маньчж. ин'и). Второе лице си, — синъ (монг. чи), я думаю, также есть измѣненіе китайскаго цзинь (цз. въ *с*) близкій, которое также надобно производить во второй (яинь) или третьей формаціи отъ *эрл* ты (какъ эрлъ и лянъ — въ значеніи два). Но первое лицо би, бинъ, хотя и можно

было бы съ натяжкой пригнать къ *во* или *ву*, но такъ какъ корень его во всѣхъ трехъ языкахъ несомнѣнно былъ *минъ* по присутствію его въ косвенныхъ падежахъ, то думаю, что здѣсь скорѣе скрывается китайское слово *минъ* — имя, повелѣніе, сообщеніе. Замѣчательно, что эргъ—близкій въ китайскомъ языкѣ употреблено и для числительнаго два и для втораго лица (tu duo?), а выше сказано было, что по тибетски два *ньій* (близкій — нѣ); татарское *учъ*—три (равно какъ и монгольское *гуръ*—въ гурбань) тоже не отъ *у* ли? Еще замѣчательно, что *я*, какъ въ китайскомъ (у), такъ и въ тибетскомъ (нга) равно употребляется для означенія числа пять; татарское *бишъ* тоже не отъ *би* ли—хотя въ немъ и можно видѣть сокращеніе санскритскаго *панчча*, но я не думаю, чтобы маньчж. *сунчжа* происходило отъ *панчча*; большая часть маньчжурскихъ числительныхъ имѣетъ сродство съ тибетскимъ: дуинь-надань, чжатъ-чжакунь, гу (кит. цзю) уюнь, чжу-чжуань. Замѣтимъ кстати, что средне-азіатское тумэнь — десять тысячъ должно представлять сродство съ китайскимъ *вань* (манъ?).

Извѣстно, до какой многосложности достигаютъ языки флексивные; и конечно, всего обильнѣе такими словами языкъ санскритскій (гангарод'ѣпатанакалупа). Но если признакомъ словъ сложныхъ не ставить непремѣнно измѣненіе окончанія словъ, приставляемыхъ спереди, то въ этомъ случаѣ китайскій языкъ поспоритъ съ санскритскимъ; по свойству этого языка управляющій глаголъ часто отдѣленъ отъ прямаго, управляемаго имъ слова двумя, четырьмя, даже восемью словами (можно найдти и болѣе), дополняющими послѣднее, и такъ какъ они являются въ этомъ случаѣ безъ всякихъ этимологическихъ знаковъ, то ихъ слѣдуетъ принимать за сложное слово. Многосложность существуетъ въ китайскомъ языкѣ и въ другихъ видахъ: *хо чуань* (огонь — лодка), *цянь ли янь*—тысяча-мильный глазъ суть такія же сложныя слова, какъ и наши: пароходъ, телескопъ; только, такъ какъ іероглифическое письмо требуетъ отдѣльной постановки каждаго отдѣльнаго слова, то подобныя слова и не кажутся намъ составными. Въ средне-азіатскихъ языкахъ, напротивъ, всего менѣе замѣтна наклонность къ такой сложности; только при большомъ напряженіи мы подмѣчаемъ, напримѣръ, въ нѣкоторыхъ маньчжурскихъ словахъ, что они составлены изъ двухъ или изъ трехъ словъ: нѣнніэри—весна, чжувэри—лѣто, туэри—зима образовались изъ *эринь* время съ стоящими впереди нѣнь (к. цянь) прежде, чжувэ два, дуинь четыре (первое, второе, четвертое время года); въ *сувалянь* желтый, *фуліянь* красный, *лампунь* зеленый и проч. видно слитіе ки-

тайскихъ словъ: *хуанъ* (желтый), *хунъ* (хфунъ, превратившееся въ фулъ) красный, *ланъ* (зеленый), — съ *янъ* краска, цвѣтъ. *Алимбахараку*, весьма состоитъ изъ *алимэ* держа, *бахара* можно, *аку* не (нельзя удержаться). Въ этомъ отсутствіи наклонности къ составленію словъ сложныхъ нельзя не видѣть отличительной характеристики средне-азіатскихъ языковъ въ отношеніи къ флексивнымъ и моносиллабическимъ; они представляются какими-то недорослями, которые стремились къ развитію, но не дошли до него вполнѣ. Маньчжурскій языкъ кажется мнѣ не иначе какъ чахлымъ выродкомъ китайскаго.

Однакожъ, если въ приставкахъ тоже видѣть особыя слова, то развѣ склоненія и спряженія должны представляться намъ чѣмъ другимъ какъ не сложными словами, съ тою только разницей, что это слова этимологическія, а не лексическія? Маньчжурскій языкъ представляетъ собой ясное свидѣтельство постепенности перехода отъ приставки къ окончанію и флексіи; разсмотрѣнныя нами приставки падежей могутъ стоять отдѣльно отъ самаго слова, къ которому онѣ относятся или сливаются съ нимъ. Главная же многосложность въ немъ состоитъ изъ требованія языка придать къ китайскимъ корнямъ спереди или сзади, вмѣстѣ или порознь, слоговъ, состоящихъ изъ одной или нѣсколькихъ слоговъ (буквъ) или изъ слиянія приставокъ; хотя бы, положимъ, онѣ и не происходили отъ китайскихъ корней, но такъ какъ онѣ суть этимологическіе элементы, то ихъ нельзя отличать отъ приставокъ. Многочисленные китайскіе корни, изъ которыхъ составляются глаголы, рѣдко остаются одни въ маньчжурскомъ языкѣ только съ глагольными окончаніями, свойственными послѣднему (да = мби, цзи = мби, тэ = мби и проч.). Они требуютъ вставленія между этими окончаніями и корнемъ слоговъ, составившихся изъ согласныхъ — *л*, *н*, *с*, *д* и проч. Между этими слогами всего болѣе обращаетъ на себя вниманіе слогъ *ла* (лэ, ло). Онъ общій для всѣхъ трехъ разбираемыхъ нами языковъ: башламакъ, эчжэлэмби, эчжэлэху; этотъ слогъ вмѣстѣ со знакомъ родительнаго падежа какъ бы свидѣтельствуетъ о томъ, что было время, когда всѣ три языка еще составляли одинъ, и потомъ, сохранивъ въ себѣ только одну норму этимологическихъ и синтаксическихъ законовъ языка, подверглись отдѣльно вліянію китайскаго. Что долженъ значить этотъ слогъ *ла* (лэ, ло)? Приведенныя три слова значатъ главенствовать, властвовать. Они происходятъ въ татарскомъ отъ существительнаго *башъ* голова (к. шоу), а въ монгольскомъ и маньчжурскомъ отъ *эчжэнъ* (к. чжу) государь; значитъ: для образованія изъ нихъ глагола, тутъ долженъ

участвовать приблизительно глаголъ — сдѣлаться. Въ китайскомъ не представляется съ перваго взгляда слова, подходящаго къ *ла* или *лэ* дѣлать, дѣлаться, которое по китайски *вэй*; но въ тибетскомъ есть слово лай (пишется ласъ, а читается ближе къ *лэй*) дѣло, да въ китайскомъ является *лё*, *ляо*—окончить, совершить. Сверхъ того, между тѣмъ какъ въ тибетскомъ дѣло *лэй*, глаголъ дѣлать пишется *біэдъ* (д на концѣ произносится какъ й), и этотъ переходъ изъ *л* въ губныя мы находимъ также въ названіи руки — *лагъ* и *піягъ*. Для меня труднѣе опредѣлить происхожденіе маньчжурскаго глагола *арамби* дѣлать (к. вэй), хотя оно имѣетъ еще значеніе: писать (к. вэнь), но полагаю, что въ другихъ случаяхъ при образованіи производныхъ глаголовъ вставкой слоговъ съ *р* и *н* послѣдніе представляются только видоизмѣненіями *л*; что же касается до слоговъ *д* и *с*, то думаю, что коренемъ этихъ вставокъ можетъ почитаться общеупотребительный китайскій вспомогательный глаголъ *да* (бить), въ самомъ китайскомъ языкѣ употребляющійся въ многоразличномъ смыслѣ.

Эти вставки для образованія глагола потомъ встрѣчаются и особо для образованія различныхъ залоговъ, изъ которыхъ одни, какъ повелительный, страдательный, взаимный, общи всѣмъ тремъ языкамъ (хотя вставки и различны), другіе же, показывающіе движеніе съ мѣста и движеніе къ мѣсту, свойственны только маньчжурскому. Трудно опредѣлить, откуда произошла вставка на, нэ, но, означающая движеніе съ мѣста; конечно, можно бы ясно видѣть, что здѣсь скрывается глаголъ *гэнэмби* идти, но этотъ глаголъ надобно производить отъ кит. *кэ* входить, и тогда въ немъ слогъ *нэ* есть уже грамматическая вставка, и я боюсь впасть въ натяжку, производя эту вставку отъ того же глагола *и*, который, мы видѣли, присутствуетъ въ родительномъ падежѣ и переходитъ въ *ни*. Что же касается до *цзи*— вставки въ глаголахъ, показывающихъ движеніе къ мѣсту, то нѣтъ никакого сомнѣнія, что здѣсь мы видимъ глаголъ *цзи* = *мби* приходить, который мы сравнили съ китайскимъ *цзинь*. Точно также вставка для общаго залога *ду*=*нду* можетъ быть объяснена кит. словомъ *ду* всѣ; страдательная *бу*—китайскимъ *бэй* бить и быть. Наконецъ, есть еще учащательная форма, образуемая вставкой *ча* отъ кит. *чанъ* часто: оми=ча=мби попивать, тэ=чэ=мби посиживать.

Причиняющая форма въ маньчжурскомъ языкѣ сходна съ страдательной, и можно бы, съ натяжкой, объяснить ея происхожденіе изъ страдательной, тѣмъ болѣе, что та и другая требуютъ различныхъ падежей въ имени, но такъ какъ въ монгольскомъ и татарскомъ язы-

кахъ эти формы выражаются несходными вставками, то я предлагаю для объясненія повелительной формы *бу* маньчжурскій глаголъ *бумби*—давать, кит. *бу* распространять въ словѣ *бу-ши* подаяніе.

Такимъ образомъ, три средне-азіатскіе языка по справедливости могутъ назваться не только приставочными, но и вставочными. Приставокъ не чужды и языки флексивные; вставки этимологическихъ частицъ составляютъ въ трехъ языкахъ замѣну словъ сложныхъ.

Но обратимся далѣе къ глаголамъ. Окончаніе неокончательнаго наклоненія и настоящаго времени изъявительнаго въ маньчжурскомъ языкѣ на *мби* въ самомъ себѣ предполагаетъ двѣ разнородныя приставки уже слившіяся: *мэ* приставка дѣепричастія настоящаго времени и *би*. Откуда взялось это *мэ* и что оно значитъ,—вотъ чего я никакъ не могу объяснить изъ китайскаго языка. Соотвѣтствующее мэ въ монг. *чжу* находится въ китайскомъ *чжо*, *чжао*, означающемъ также дѣепричастіе (цзянь—чжо, уцзэчжу—видя). Думаю, что едва ли это *м* не то же *м* въ татарскихъ языкахъ, въ которыхъ неокончательное наклоненіе оканчивается на макъ, мэкъ, мокъ; думаю, что татарское *к* послужило монгольскому окончанію неопредѣленнаго наклоненія на *ку*, *ху*, а въ маньчжурскій вошло только *м*. Что же касается до *би*, то по моему мнѣнію, никакъ нельзя соблазняться сходствомъ его съ общимъ всѣмъ тремъ языкамъ мѣстоименеміемъ перваго лица *би*, *бинъ* (кит. во, нго, у, юй, тиб. нга), потому что оно приставляется ко всѣмъ тремъ лицамъ настоящаго времени въ обоихъ числахъ. Это тотъ же китайскій глаголъ *бэй* быть и бить; въ монгольскомъ онъ еще ближе къ китайскому; это: *буй* и въ настоящемъ времени переходитъ въ *муй*, *мой*.

Затѣмъ въ маньчжурскомъ языкѣ прошедшее время выражается приставкой, состоящей изъ согласной *к* или *х* съ гласными, въ монгольскомъ на *луга*, произносимое *лэ*; въ китайскомъ для обозначенія прошедшаго времени употребляются, между прочимъ, глаголы *ю* проходитъ и *лё* кончить; едва ли можно сомнѣваться, что первый отошелъ къ маньчжурскому, а второй—къ монгольскому.

Труднѣе объяснить окончаніе будущаго изъявительнаго и вмѣстѣ съ тѣмъ причастія на *р* съ гласными; конечно, можно бы и здѣсь пустить въ ходъ то же *эр*, которое мы видѣли выше, тѣмъ болѣе, что глаголъ съ окончаніемъ на *ра*, *рэ*, *ро* легко можетъ быть принятъ и за существительное. Но мнѣ припоминается, что и въ будущемъ татарскаго также участвуетъ буква *р*. Будемъ надѣяться, что другіе, при

большемъ вниманіи и напряженіи, объяснять двѣ, теперь необъясненныя нами приставки *мэ* и *ра*.

Объ условномъ *ци* уже было говорено выше; думаю, что желательное *ки* также представляетъ только видоизмѣненіе этого корня. Приставку дѣепричастія прошедшаго *фи* я объясняю китайскимъ глаголомъ *бй* окончить. Отрицаніе въ глаголахъ выражается чрезъ нарѣчіе *аку* нѣтъ, иногда опускающее, а иногда измѣняющее гласную *а*. Корнемъ этого отрицанія несомнѣнно надобно принять китайское *у* и въ своемъ языкѣ перемѣнившееся въ *бу* (монг. буу) и даже въ *мо* (маньчж. умэ,—мнг. битэгэй изъ бу; о развитіи слога *га* будетъ говорено ниже). Ближайшимъ превращеніемъ этого слова мы полагаемъ турецкое іокъ (укъ, изъ котораго вышло монг. угэй); изъ него ли, или же своимъ собственнымъ путемъ, образовалось маньчжурское *аку* (по образцу *акдунь* отъ дунь) это уже вопросъ второстепенный. Корнемъ китайскаго отрицанія *у* служитъ другое *у* погибнуть, убѣжать откуда въ маньчж. укамби, въ монг. угэлэмби (отсюда угэлэдъ—ӧлётъ—бѣглецъ—извѣстное названіе народа).

Вотъ въ главныхъ чертахъ почти вся этимологія не только маньчжурскаго, но и татарскаго и монгольскаго языковъ, потому что всѣ эти языки имѣютъ очень простую, пожалуй, назовемъ, бѣдную граматику. Да, граматику, потому что если вы скажете, что къ граматикѣ, кромѣ этимологіи, принадлежитъ синтаксисъ, то я отвѣчу, что въ этомъ обозрѣніи уже пройденъ и синтаксисъ. Какое главное отличіе этимологіи отъ синтаксиса? Первая разбираетъ видоизмѣненія словъ, вторая—отношенія словъ и предложеній. Въ трехъ языкахъ въ этимологіи разбираются приставки, называемыя послѣрѣчіями или предлогами, въ синтаксисѣ должны разбираться союзы, посредствомъ которыхъ образуются различные виды предложеній и періодовъ. Но, по крайней мѣрѣ, въ маньчжурскомъ языкѣ и всѣ періоды образуются только посредствомъ тѣхъ же существительныхъ или глагольныхъ приставокъ. Какъ скоро въ предложеніи глаголъ ставится на концѣ, то какой бы формы ни былъ періодъ, онъ все-таки на концѣ первой половины пользуется этимологическими приставками (*й* описательный, *дэ* винословный, *бэ* уступительный, *мэ* соединительный, *ци* условный и т. п.). Другихъ союзовъ, можно сказать, нѣтъ, потому что періодъ условный, напримѣръ, начинающійся союзомъ *айка*—если, все же оканчивается въ первой половинѣ періода приставкой *ци*. Что синтаксисъ китайскій долженъ отличаться отъ синтаксиса среднеазіатскихъ языковъ, это выходитъ само собою; тамъ приставки не утратили своего

глагольнаго значенія, потому ставятся впереди и сзади, а это даетъ свободу рѣчи; тамъ количество приставокъ почти безконечно, а здѣсь — онѣ въ самомъ ограниченномъ числѣ.

Можно ли послѣ всего сказаннаго утверждать еще, что сродство маньчжурскаго языка съ китайскимъ случайное, что все это суть наши натяжки? Но вѣдь такимъ образомъ выходитъ (не говоря о частностяхъ), что китайскій языкъ влился совсѣмъ въ другія формы, представляется языкомъ многосложнымъ, могъ преобразиться въ языкъ, который считается переходнымъ отъ моносиллабическихъ къ флексивнымъ? Мы готовы оставить и всѣ эти выводы въ сторонѣ; мы хотѣли только доказать, что и китайскій языкъ что-нибудь да значитъ въ общей филологической наукѣ. А между тѣмъ всѣ ученые филологи старались его обойдти, исключить изъ среды науки. Не было ли это скорѣе шарлатанствомъ, которое хотѣло скрыть свое невѣжество голословнымъ указаніемъ, что китайскій языкъ не принадлежитъ-де къ области другихъ языковъ, и что о немъ не стоитъ говорить, другими словами: хоть мы его и не знаемъ, но можемъ спокойно разсуждать объ общихъ законахъ языка. По моему же мнѣнію, можно разработывать частныя явленія извѣстнаго языка, его связь съ другими, тоже извѣстными, но толковать объ общихъ законахъ филологическихъ не возможно, не изучивъ свойствъ языка первообразнаго, не вознесясь къ понятіямъ о томъ, какъ долженъ былъ и могъ говорить человѣкъ на первыхъ порахъ развитія человѣческой рѣчи, а китайскій языкъ представляетъ богатые памятники слѣдовъ этой рѣчи. Только съ введеніемъ китайскаго языка въ кругъ общей филологіи и можно надѣяться рѣшить вопросъ—родственны ли такъ-называемые туранскіе языки арійскимъ, или, другими словами, есть ли тѣсная связь между санскритскимъ и китайскимъ. А я увѣренъ, что стоитъ только нѣсколько недѣль труда, чтобы доказать ихъ сродство. Я думаю, что необходимо обратить вниманіе и на другой вопросъ: прежде съ презрѣніемъ относились къ корнесловію, обращались больше къ граматикѣ и синтаксису; я же указываю, что граматическія и синтаксическія правила нельзя объяснять помимо корней.

Мнѣ кажется, гораздо страннѣе было бы не встрѣтить никакого сродства у средне-азіатскихъ языковъ съ китайскимъ, чѣмъ встрѣтить даже полное родство. Мы знаемъ, что Римляне въ нѣсколько вѣковъ своего владычества успѣли пустить корни своего языка въ Испаніи, Англіи, Франціи, что Арабы навязали свой языкъ всѣмъ магометанамъ. Какимъ же образомъ связь Китая съ Среднею Азіей,

извѣстная уже исторически въ продолженіи слишкомъ двухъ тысячъ лѣтъ, могла остаться безслѣдною? Китайцы то управляли Среднею Азіей, то были управляемы ея обитателями; Китайцы то были уводимы въ плѣнъ, то переселялись добровольно. И вдругъ хотѣть, чтобы здѣсь не было ничего общаго, даже между языками!

Исторію столкновенія Китая съ Среднею Азіей нельзя начинать только съ образованія въ концѣ III вѣка до Р. Хр. могущественной Хуннской династіи. Какъ только началась исторія Китая, такъ начались и эти столкновенія. Если мы не можемъ опредѣлить ни точныхъ границъ, ни существеннаго различія между Жунами и Ди, облегавшими съ запада и сѣвера вновь образовавшееся государство, которое собственно (а не народъ) и надобно называть Китайскимъ, то мы не можемъ, точно также, сказать, въ чемъ состояло различіе собственно китайскихъ подданныхъ отъ этихъ Жуновъ и Ди. Не были ли сами эти Жуны и Ди ихъ же повелителями такъ и названы въ отличіе отъ своихъ? Вѣдь ядро Китайскаго государства было самое небольшое; оно образовалось около юго-восточнаго изгиба Хаунъ-хэ, и начало вдоль этой рѣки порабощать туземцевъ; развѣ можно заключить изъ этого, что честолюбивый и сильный владѣтель этого ядра былъ непремѣнно человѣкомъ другаго племени? Здѣсь являются два предположенія, общія для всей древней человѣческой жизни: или вторженіе чужаго элемента, который сталъ осиливать туземный, или образованіе изъ туземнаго чего-то небывалаго, деспотическаго. Первое предположеніе приведетъ насъ только къ тому выводу, что была еще болѣе древняя, чѣмъ предполагаемъ, жизнь народовъ. Они уже развились, получили прочную самостоятельность, каждый народъ говоритъ своимъ языкомъ, и вотъ одинъ изъ этихъ народовъ направляется на востокъ и завоевываетъ тамошнихъ обитателей... Другое предположеніе—болѣе человѣческое: и древнѣйшіе люди должны были жить по общимъ человѣческимъ началамъ и законамъ, отличаясь другъ отъ друга только по требованію мѣстности. У нихъ долженъ былъ быть одинъ главный образъ жизни, потому что хотя природа и разнообразна, но человѣку въ отношеніи къ ней надобно было прибѣгнуть къ одной общей мѣрѣ—къ борьбѣ, къ изысканію средствъ для побѣды. Точно также и въ отношеніи языковъ: повсюду человѣкъ долженъ былъ создать одинаковые звуки, назвать сильное сильнымъ, мягкое мягкимъ. Въ этой первоначальной жизни человѣчества и учрежденія, и языки на всемъ земномъ шарѣ должны представляться родственными, но съ извѣстными отличіями: сосѣди народовъ востока

сами сосѣди запада; имена Ноя и Сима равно извѣстны, какъ на берегахъ Нила и Тигра, такъ и на берегахъ Хуанъ-хэ и Цзяна.

И вотъ на берегахъ Нила и Тигра, равно какъ у водъ Хуанъ-хэ и Цзяна является новая общественная форма—государство. Люди соединяются съ другими, чтобы порабощать или отражать порабощеніе. Начинается движеніе народовъ, тогда какъ доселѣ былъ на землѣ только человѣкъ. Если отъ Западнаго до Восточнаго океана не было доселѣ родства, то я охотно допускаю, что зародышъ китайской націи пришелъ съ запада, по моему мнѣнію, всегда и во всемъ преобладающаго надъ востокомъ. Но не лучше ли допустить, что прежде борьбы было единство? Предположимъ, напримѣръ, что корни китайскаго языка тѣ же, что арійскіе. Надобно ли изъ этого заключить что китайская нація прошла нѣкогда побѣдоносно отъ запада на востокъ, заставила аборигеновъ послѣдняго принять свой языкъ, или она пришла вмѣстѣ съ праотцами, которыхъ мы называемъ Турками, Монголами и Маньчжурами? Я думаю, что лучше всего допустить не насиліе, а родство.

Итакъ, въ первоначальной исторіи отдаленнаго востока не лучше ли видѣть не борьбу народовъ съ народами, а борьбу новаго строя, который мы называемъ государствомъ, со старымъ порядкомъ человѣческихъ обществъ? Но въ такомъ случаѣ, опираясь на указанныя нами отношенія языка китайскаго къ средне-азіатскимъ, мы должны допустить, что и все относящееся къ этому строю заимствовано отъ того ядра, которое его усвоивало и развивало, что вся политическая терминологія, даже въ самомъ противодѣйствіи, должна была заимствоваться изъ одного языка. Не видимъ ли мы, что только послѣ того, какъ Китайское государство соединилось въ первый разъ, является и противодѣйствующее государство Хунновъ? Но оно не могло отличаться никакимъ своеобразіемъ и должно было сообразоваться съ своимъ антагонистомъ. Новый строй долженъ былъ, неминуемо, осилить, и отсюда началось вліяніе Китая, далеко занесенное на западъ за долго до владычества Татаръ.

Посмотримъ, что намъ скажетъ на это исторія.

Мы здѣсь коснемся только того, что всего ближе относится къ нашей статьѣ, и даже въ подтвержденіе ея, хотя съ своей стороны, и писали ее именно для удостовѣренія въ нашемъ объясненіи нѣсколькихъ собственныхъ именъ, встрѣчаемыхъ въ древней средне-азіатской исторіи. Начнемъ, однакожъ, припоминаніемъ о томъ, что уже

было нами высказано въ другомъ мѣстѣ [1]). Первымъ намекомъ мнѣ на присутствіе китайскихъ словъ въ собственныхъ именахъ лицъ и народовъ Средней Азіи послужили слова Мэнъ Хунъ'а, что, по нѣкоторымъ, названіе Чингисхана было изуродованное китайское Тянь-цы — пожалованный небомъ. Въ самомъ дѣлѣ, откуда могло взяться слово Чингисъ? На языкахъ средне-азіатскихъ оно ничего не значитъ (даже извѣстное *дингисъ* происходитъ отъ китайскаго тинъ-цзы — болото, озеро). Оно и не собственное имя, которое было Тэмучжинъ; но когда оно явилось? Только на хурилтаѣ, то-есть, сеймѣ, на которомъ этотъ Тэмучинъ былъ провозглашенъ императоромъ—хаганомъ. Но кто внушилъ даже самую мысль о такомъ провозглашеніи? Безъ сомнѣнія, перебѣжавшіе Кидане окитаившіеся; потому что только у Китайцевъ и есть обычай, съ восшествіемъ на престолъ, съ принятіемъ императорскаго титула, давать будущей эрѣ своихъ годовъ правленія характеристическое названіе. Эта эра и нынѣ у Монголовъ (какъ и въ Европѣ) всегда принимается за имя самого императора. Такое имя: Тянь-минъ (небомъ повелѣнный) принялъ и первый маньчжурскій императоръ, а Тянь-дэ (небесныя доблести) извѣстный предводитель тайпинговъ Хунъ-сю-цюань. Какимъ же образомъ однако Монголы такъ могли исказить китайское слово? Но на это отвѣтъ ясный: монгольскій языкъ не имѣетъ словъ на тянь и не способенъ къ ихъ произношенію; не способны къ этому и другіе средне-азіатскіе языки; мы видимъ, что въ самый китайскій языкъ еще не позже четвертаго вѣка нашей эры вошло санскритское слово *діяна* (созерцаніе) въ искаженной формѣ *чань*, не потому, чтобы китайскій языкъ не былъ способенъ къ передачѣ этихъ звуковъ, но потому, вѣроятно, что приходившіе съ запада проповѣдники буддизма или сами принадлежали къ среднеазіатцамъ, или употребляли изъ нихъ переводчиковъ. Итакъ, тянь легко могло исказиться въ чань, а отсюда въ чинъ; что же касается до окончанія *гисъ* или *исъ* (потому что *г* можно отнести къ предъидущему *н*), то мы уже упомянули выше, что приставка цы (эцэ) въ монгольскомъ произносится какъ *эсъ*.

Это искаженіе слова Тянь-цы въ Чингисъ переноситъ насъ къ болѣе отдаленному и не менѣе знаменитому названію Хунскихъ государей Чань-юй-'ями, какъ они названы въ извѣстной исторіи Тунъ-цзянь-ганъ-му на маньчжурскомъ языкѣ, а не Шань-юй, какъ читаютъ

[1]) См. мое сочиненіе: «Исторія и древности восточной части Средней Азіи» въ *Трудахъ Восточнаго отдѣленія Археологическаго Общества*.

европейцы на основаніи предлагаемыхъ китайскими лексиконами чтеній. Іероглифъ, которымъ передается слово чань или шань имѣетъ главное чтеніе дань и тань, и потому нельзя сказать навѣрное—кто правъ; но какъ бы мы ни читали его, напрасно стали бы отыскивать въ извѣстныхъ намъ средне-азіатскихъ языкахъ значеніе этого слова, хоть бы сколько-нибудь подходящее. Но это значеніе ясно и положительно опредѣлено тѣми же китайскими исторіями. Оно должно значить то же, что̀ и китайскія: тянь-цзы—сынъ неба, титулъ, даваемый китайскимъ императорамъ; при этомъ у китайскихъ писателей прибавлено, что собственно сынъ неба на хунскомъ языкѣ называется чэнъ (тэнъ) ки (ци)-ли хуту (монг. слова тэнгри инъ кубу), то-есть, китайская исторія какъ бы въ ротъ кладетъ, что Чань-юй есть только искаженіе китайскаго слова тянь-цзы. Мы уже указали выше, при объясненіи слова чжань-инъ, что Китайцы вовсе не такіе филологи, чтобъ узнавать свои слова въ искаженіи на другихъ языкахъ, особенно, когда они написаны другими іероглифами. Для нихъ достаточно одной перемѣны или ошибки въ звукѣ, чтобы не узнать настоящаго происхожденія своего слова. Для того же, чтобы объяснить искаженіе тянь въ чань не стоитъ труда послѣ сказаннаго выше; это искаженіе еще легче, чѣмъ въ словѣ Чингисъ. Еще ближе къ чтенію *чань* произношеніе *дань* или *тань*; если можно недоумѣвать надъ чтеніемъ шань, то напомнимъ, что самое слово тянь—небо, въ китайскомъ названіи Индіи (тянь чжу) читается Шэнь (ду).

Слѣдовательно, остается только объяснить, какимъ образомъ слово *цзы*—сынъ перешло въ *юй?*

Нѣкоторые предполагаютъ, что іероглифъ *юй* самъ по себѣ могъ исказиться изъ цзы, такъ какъ начертаніе ихъ очень сходно. Но и безъ этой догадки, приводящей къ вопросу: почему же слово *чань* пишется не какъ тянь, филологическія сличенія даютъ возможность объяснить такой переходъ. Мы видѣли выше, что китайское цзы въ маньчжурскомъ перешло въ цзюй, и что это слово вошло, должно быть, въ древнее время, потому что нынѣ всѣ китайскіе звуки съ *цз* переходятъ въ маньчжурскомъ въ *с*. Можетъ-быть, *цзюй* въ древнее время вошло и не въ одинъ маньчжурскій языкъ, или кто знаетъ, какъ далеко на западъ простиралось маньчжурское племя. Движеніе Тугухунцевъ (дуюхунь) на западъ могло быть и не первое. Что касается до измѣненія *цзюй* въ *юй*, то это всякому, мало-мальски знающему средне-азіатскіе языки, не покажется страннымъ: *юзъ* и *чжузъ*—сотня, илъ и чжилъ—годъ и т. п.; въ татарскомъ языкѣ сынъ значитъ угулъ, но есть ли

гуль наростокъ въ родѣ монгольскаго *голъ* въ словѣ Боголъ, какъ увидимъ ниже? Китайскій же іероглифъ *юй* могъ читаться въ древности *у*, какъ и читаютъ его по нынѣ Японцы.

Но при этомъ невольно навертывается уже сейчасъ приведенное слово тэнгри—небо. Что это слово, употреблявшееся нѣкогда въ турецкомъ, а нынѣ сохранившееся главнымъ образомъ въ монгольскомъ, даже и съ эпитетомъ синее, вышло изъ китайскаго языка—изъ *тянь*, въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія [1]). Только одни Китайцы всегда разумѣли подъ небомъ божественную силу („небо погубило меня!", сказано въ Шу-цзинѣ). Но является вопросъ: какимъ же образомъ, если въ Чань-юй въ Чингисъ туземцы не могли выговорить *тянь*, оно близко къ выговору въ *тэнгри* (но и здѣсь съ твердымъ *нг*, какъ въ Чингисѣ)?

Мы видѣли выше, что тэнгри читалось *чэнъ-ли*, и потому думаемъ, что это возстановленіе его, но все же не въ формѣ тянь, а въ формѣ тэнъ, случилось или въ другое время, или вошло первоначально не въ тотъ языкъ, въ которомъ тянь превратилось въ чанъ и чинъ.

Если послѣднее вѣроятно, то можетъ-быть, и здѣсь мы имѣемъ предъ собой маньчжурскій языкъ, который имѣетъ много словъ, начинающихся съ *тэнъ* съ свойственнымъ ему окончаніемъ *ри*.

Нынѣ этого слова нѣтъ въ маньчжурскомъ языкѣ. Оно замѣнено словомъ *абка*, которое напоминаетъ тибетское намха. Тибетцы, подъ именемъ Тангутовъ, долгое время были сосѣдями Киданей. Живя въ Ордосѣ, знакомя съ буддизмомъ восточныя племена, они могли ввести у нихъ и перемѣну названія неба (абка звучитъ и въ имени перваго киданьскаго государя Абао-цзи, изъ котораго передѣлали Амбагяня; скорѣе это Абкай-цзюй—сынъ неба), какъ ввели у нихъ слово *Тойнъ*. Тойнъ не есть уйгурское слово, если разумѣть подъ ними говорящихъ турецкимъ языкомъ; это чисто тибетское слово *той* — переводъ санскритскаго *шравака* (искаженное въ монгольскомъ въ хуваракъ)—слушатели, то-есть, ученики и послѣдователи Будды.

Впрочемъ, можно допустить, что въ окончаніи *ри* въ словѣ тэнгри скрывается или кит. *ди*—земля, которое всегда ставится съ тянь, когда должно означать творческую силу, или же: чжи — духъ земли, которому поклоняются.

---

[1]) Въ монгольскомъ для означенія неба, кромѣ тэнгри, имѣется еще слово октаргой. Тутъ нельзя не узнать видоизмѣненія кукэ тэнгри, то-есть, кукъ тэнгри — синее небо.

Названіе *чань-юй* смѣняется въ исторіи *каганомъ*, сократившимся послѣ въ ханъ. Если бы даже и вздумалось кому выдавать за достовѣрное, что хаганъ занесено жидовствовавшими Казарами изъ еврейскаго языка, то и тогда оно не могло бы быть принято средне-азіатскими народами иначе, какъ по сходству звуковъ со словомъ, которое было извѣстно всякому Азіатцу въ смыслѣ императора. Какое же это слово, какъ не китайское Хуанъ или Хуанъ-ди — Богдоханъ — императоръ, извѣстное, по крайней мѣрѣ, со временъ *Цинь*-ши-Хуанъ-ди?

Я уже замѣтилъ выше, что, часто имѣя дѣло съ монгольскимъ языкомъ, я вовсе не обращалъ вниманія на его корни: они такъ и казались монгольскими. Теперь, когда мнѣ понадобилось въ монгольскомъ языкѣ открыть подтвержденіе своего производства, то перебирая только въ своей памяти (а вѣдь слѣдовало бы перерыть весь лексиконъ) извѣстныя слова, я открылъ въ нихъ, и то лишь для даннаго случая, множество китайскихъ корней. И если я полагаю характеристикою маньчжурскаго языка прибавку *р* съ гласными, то на этотъ разъ характеристикой (можетъ-быть, найдутся и другіе признаки) монгольскаго языка считаю способность его развивать китайскіе корни приставочнымъ складомъ, состоящимъ изъ согласной г (к, х) съ соотвѣтствующею гласною, которая въ разговорѣ поглощаетъ согласную. Если мы видѣли *ди* младшій братъ, въ маньчжурскомъ языкѣ, какъ *дэо*, то въ монгольскомъ языкѣ онъ пишется уже *дэгу* (читай дуу). Такимъ образомъ изъ батуру вышло багатуръ, багадуръ (монг. слова: намуръ осень, хабуръ весна, эдуръ день и проч., представляются составными съ маньчжурскимъ эринь, слѣдовательно это окончаніе на *р* есть уже болѣе позднѣе, чѣмъ маньчжурское на *ру*. Замѣтимъ встати, что монг. цзунъ (чжунъ) лѣто — происходитъ тоже отъ маньчж. чжуврэри — съ отброшеніемъ совсѣмъ эринь). Такимъ образомъ отъ китайскихъ корней образовались: цзэгунъ (цзунъ) лѣвый (кит. цзо), сагу сиди кит. цзо, нигу скрывать кит. ни, богоху связывать кит. бао (отсюда — боголъ — рабъ, связанный), си гуху (чит. шигуху) судить кит. сы, тоголъ теленокъ кит. ду, тогоганъ котелъ кит. тѣ-го, тохомъ вьюкъ кит. то и т. д. Я думаю, всего поразительнѣе по этимъ примѣрамъ будетъ происхожденіе монг. цагацагай отъ кит. си-цяо сорока. Новое монг. слово цагадза законъ есть превращеніе изъ цэ цзы — тетради, содержащія уложеніе. Извѣстное русско-монгольское малагай, перешибенное (Verschieben) изъ маньчжурскаго махала имѣетъ своимъ корнемъ китайское *мао* шапка.

Но самымъ большимъ подтвержденіемъ происхожденія слова ха-

ганъ изъ кит. хуанъ свѣтъ, можетъ служить совершенно по той же формѣ образовавшееся монг. гэгэнъ—свѣтлый изъ кит. гуанъ свѣтъ. Здѣсь присутствіе твердой буквы ɪ потребовало въ монгольскомъ только соотвѣтственнаго измѣненія гласной *а* въ *э*.

Сколько еще труда предстоитъ для будущей разработки средне-азіатской филологіи! Такъ, напримѣръ, обыкновенно слышимыя монгольскія слова — чисунъ кровь, часунъ снѣгъ, чилу камень, чино волкъ кажется, нисколько не вяжутся съ китайскими *сэ*, *сюэ*, *ши*, а между тѣмъ въ хоринскомъ нарѣчіи монгольскаго языка эти слова произносятся: шихунъ, шахунъ, шилунъ, что указываетъ на китайскіе корни.

Извѣстны мои выводы о происхожденіи названій Монголовъ и Маньчжуровъ изъ китайскихъ словъ мэнъ-гу (получить старое) и мань-чжоу (полная область). Мнѣ удалось также указать, что названіе Монголъ принято для своей династіи Чингисханомъ не въ 1206 году, когда онъ былъ провозглашенъ главой сейма—хаганомъ, а только въ 1211 г. Средне-азіатскіе народы не имѣютъ общаго названія для всего племени, и потому это общее названіе является какъ государственный терминъ только тогда, когда у нихъ является сильный императоръ. Если какъ это титлю, такъ и названіе годовъ правленія, заимствовано отъ Китайцевъ, то можно ли еще сомнѣваться, что не отъ нихъ же заимствована мысль дать какое-нибудь общее названіе всѣмъ, соединеннымъ въ одно государственное тѣло, народамъ. Это названіе и выражается въ названіи династіи. Названіе Монголъ было сначала собственно не названіе народа, а именно династіи; въ арміи Чингисхана, шедшей на западъ, конечно были и Татары, и Маньчжуры, и Китайцы, и Туркестанцы, но всѣмъ имъ общее имя было Монголъ, то-есть, первоначально монгу (какъ и теперь въ маньчжурскомъ), какъ нынѣ Дайцинъ.

Я указалъ также, что старое названіе Маньчжуровъ Чжурчжэнями (какъ не стыдно и послѣ того писать Ніучи, Нючжи, Нючжэнь!) было навязано Китайцами, открывшими въ своихъ книгахъ, что въ древности въ маньчжурскихъ странахъ гдѣ-то жилъ народъ Су-шэнь, употреблявшій каменные наконечники на стрѣлахъ (а это употребленіе едва-ли не продолжается еще и нынѣ). Болѣе древнее названіе Маньчжуровъ было: Мо-хэ и Фу-юй. Въ первомъ словѣ, несмотря на производство китайскаго императора отъ Мэйхэ — змѣя, я скорѣе наклоненъ видѣть мукэ кит. хэ вода, рѣка, такъ какъ Мо-хэскіе роды носили различныя названія по рѣкамъ, по которымъ они жили,

а въ лѣсной Маньчжуріи и можно было жить только по рѣкамъ. Китайцы, слыша отъ каждаго изъ нихъ окончаніе Мукэ, и прозвали ихъ общимъ именемъ Мохэсцевъ — рѣчныхъ. Слово Фу-юй должно быть искаженіе нынѣшняго боѣ — тѣло, я самъ (кит. вэй), въ смыслѣ человѣка, какъ называютъ себя и нынѣ Тунгуси. Названіе боѣ сохранилось въ извѣстномъ Боиръ-норъ, которое въ древности называлось Фуюйскимъ, и около него то образовалось Фуюйское царство; послѣ, довольно далеко подавшееся на югъ.

Къ мохэскимъ родамъ принадлежали и Шивейцы, которые, живя на западъ и сѣверо-западъ отъ Маньчжуровъ, далеко простирались, какъ видно изъ моей исторіи, въ глубь нынѣшней Монголіи и Сибири. Не отъ нихъ ли происходитъ и названіе послѣдней? Но едва ли въ настоящее время это не также преждевременно доказывать, какъ и сходство названія нашей Тулы съ рѣкой Тола, впадающей въ Орхонъ, на которой стоялъ Каракорумъ. Однакожъ, что бы ни говорили, а слово Сибирь звучитъ по китайски. Нынѣ для Туркестана и Цзюнгаріи у Китайцевъ введено одно общее оффиціальное названіе—Синь-цзянъ — новая граница, новая линія. Что мудренаго, еслибъ оно сдѣлалось извѣстнымъ и у Монголовъ, Маньчжуровъ и Туркестанцевъ. Эти же мѣста еще до начала нашей эры извѣстны были у Китайцевъ подъ именемъ Си-юй, вотъ уже и есть начало для перваго слога Сибири; но *юй* (тиб. юлъ) однородно съ турецкимъ *иръ* земля, и для того, чтобъ избѣжать двухъ гласныхъ *и* вмѣстѣ, между ними вставили *в*, превратившееся въ *б* и оттуда въ бирь. Но въ китайскомъ есть еще другое слово — *би* захолустье, окраина, и Сибирь легко могла значить западное захолустье; для Китайцевъ Юаньской династіи такова и была наша Сибирь.

Но обратимся къ *Шивэй*'ямъ. Ихъ названіе понынѣ сохранилось въ названія народа *Сибэ* маньчжурскаго племени, находившагося до основанія нынѣшней маньчжурской династіи подъ властью Монголовъ; часть ихъ послѣ переведена была даже въ новую линію и убѣжала недавно къ намъ изъ Кульджи. Эти Шивэй, какъ говоритъ исторія, были потомки болѣе древнихъ Сянь-бійцевъ, удалившихся отъ притѣсненій Хунновъ въ горы. Откуда же произошла разница ихъ имени? Но звукъ *сянь* однороденъ въ китайскомъ съ *си*, *вэй* же и *би* не представляютъ никакого затрудненія. И опять, даже самое названіе *Ши-вэй* не дано ли было Китайцами, какъ общее по воспоминанію о Саньбійцахъ, подобно тому, какъ они вспомнили еще позже о Су-шэняхъ, и подобно тому, какъ слово Чжурчжэнь пере-

давалось другими іероглифами (Су-шэнь), стали писать отлично и Шивэй отъ Сяньби. Слово шивэ, шибэ и нынѣ въ монгольскомъ языкѣ значитъ крѣпость; если такъ, то первоначально названіе Шибэ давалось людямъ крѣпостей для Маньчжуровъ это не рѣдкость; есть маньчжурскія слова: сибъ — затычка, сибкимби — затыкаю. Но если пріискивать въ китайскомъ, то являются слова *ши* камень, *вэй* окружать. Не значитъ ли монгольское *шива* каменная ограда? О Сяньбійцахъ говорится, что они удалились въ горы отъ Хунновъ и тамъ укрѣпились; въ нашей Сибири должны были быть также крѣпости; въ исторіи дома Тоба, пришедшаго оттуда, ясно говорится объ этомъ.

Подымаемся въ еще болѣе отдаленную древность и предъ Фу-юй и Мо-хэ-цзами мы застаемъ въ Маньчжуріи народовъ *Ву-цзи* и *И-лоу*, обозначаемыхъ еще общимъ именемъ Дунъ-ху; раньше ихъ, кромѣ полу-историческихъ Сушэней, мы уже никого не знаемъ. Слово *Ву-цзи* легко узнать въ нынѣшнемъ маньчжурскомъ Вэ-цзи — лѣсистая мѣстность, и по описанію ясно видно, что народъ жилъ въ лѣсахъ. Еще позднѣе, только другими іероглифами, писали царство Боцзи, участвовавшее въ просвѣщеніи, а отчасти и въ населеніи Японіи. Только Японцы слово Боцзи читаютъ Кудари, и странная вещь, недалеко отъ Кяхты есть и теперь поселеніе и крѣпость Кудара; вотъ какъ далеко занесены и какъ долго сохранились маньчжурскія названія. Но вѣдь и самая Селенга есть маньчжурское слово: сэлэна, роса. (Енисей не татарское ли Янги-су — новая рѣка, что показываетъ, что Турки пришли сюда послѣ; названіе кэмъ значитъ на корейскомъ языкѣ — золото, а Корейцы пришли съ сѣвера).

Для насъ болѣе интересно названіе *И-лоу*. Объ этомъ народѣ говорятъ, что онъ жилъ въ ямахъ и содержалъ свиней. И донынѣ въ маньчжурскомъ языкѣ сохранились слова: *ору* пещера и *илу* большой боровъ; слѣдовательно, для объясненія слова И-лоу нѣтъ затрудненія. Но мы думаемъ, что объясненіе И-лоу черезъ ѣлу свиней болѣе замѣчательно. Извѣстно, что маньчжурскіе лѣса, богатые дубомъ, весьма удобны для разведенія свиней; и теперь ихъ съ береговъ Амура гонятъ въ Пекинъ. Свиньи всего хуже могутъ быть разводимы въ степяхъ; едва-ли онѣ были въ большомъ количествѣ и въ осѣдломъ Туркестанѣ до принятія имъ магометанства. А какое первое общее названіе Маньчжуровъ встрѣчаемъ мы у Китайцевъ: Дунъ-ху, то-есть, восточные ху! Не отсюда ли, съ одной стороны, произошло названіе Тунгусовъ, и съ другой, въ турецкихъ языкахъ названіе свиньи словомъ дунгузъ?

Но что значить китайское: дунъ ху? восточное *ху*. Что же значить это ху? Есть ли оно чисто китайское слово, даваемое инородцамъ, какъ принято было послѣ, и даже исключительно западнымъ, или само появилось въ языкѣ съ именемъ народа, близко подходящимъ къ ху? [1])

Въ последнемъ смыслѣ указываютъ намъ на Уйгуровъ, въ имени которыхъ можно было бы видѣть родственное *ху*, тибетское хоръ. Но едва-ли и послѣднее появилось еще не позже названія Уйгуровъ; и почему хоръ не обязано своимъ происхожденіемъ ху, такъ какъ китайскія слова весьма легко могутъ явиться въ другихъ языкахъ съ окончаніями на *р*, *л*, *с* и т. п. Но въ происхожденіи *ху* отъ имени Хунновъ нечего и сомнѣваться: уже у Сыма-цяня фразы ху'скія, слова ху'скія, обычаи относятся исключительно къ Хуннамъ. Слѣдовательно, исторія говоритъ намъ ясно, что и восточные ху не были далеки отъ Хунновъ, можетъ-быть, и по языку. Уклоненіе Сяньбійцевъ, Ухуаней не обозначаетъ еще разницы въ племени. Оттого-то, съ паденіемъ Хунновъ, на ихъ земляхъ появляются Шивэйскіе, то-есть, Маньчжурскіе народы.

Замѣтимъ, что Китайцы, назвавъ Маньчжуровъ Дунъ-ху, нигдѣ

---

[1]) Нельзя не обратить вниманія на странную аналогію. Греки называли всѣхъ инородцевъ варварами, Китайцы же—ху; если слово варваръ происходитъ отъ греческаго βαρβαρέω, говорю вздорно, то и по китайски выходитъ то же—(ху-шо); Русскіе всѣхъ говорящихъ не по русски называютъ Нѣмцами, а Индѣйцы—уттарагуру, что, по тибетскому переводу, значитъ неслышимый звукъ, непонятный или непріятный голосъ. Если изъ латинскаго *barba* вышло бы, что подъ именемъ варваровъ разумѣли бородатыхъ, а такими бородатыми, какъ нарочно, представляются Персы на древнихъ памятникахъ, то и въ китайскомъ *ху* значитъ также борода. Но слово Парсы едва-ли не значило тигровъ, въ монгольскомъ барсъ; Персы, извѣстные подъ именемъ Тачжиковъ, въ тибетскомъ называются Дакъ-сикъ, что значитъ также тигръ и барсъ. Затѣмъ и въ китайскомъ языкѣ *ху* значитъ также тигръ. Что за странное совпаденіе! И потомъ, именно это значило бы, что Китайцы, сами безбородые, назвали бородатыми тѣхъ сосѣдей, которые дѣйствительно отличались этимъ качествомъ. Нынѣ мы этого не видимъ. Но кто знаетъ, не распространялось ли нѣкогда гораздо далѣе на востокъ бородатое племя, и не обезобразила ли его китайская примѣсь, какъ она обезобразила и сосѣдніе языки?

По исторіи мы знаемъ одно, что еще около VI столѣтія нашей эры, на западъ отъ Хотана жили все народы съ вздернутыми носами и впалыми глазами. Не простиралось ли въ прежнее время это иранское племя далѣе на востокъ. Не пересилила ли его китайская раса, ошибочно называемая (пора бы это названіе бросить) монгольскою, какъ она осилила и языкъ?

не упоминаютъ ни о западныхъ, ни о сѣверныхъ *ху*, а всѣхъ прочихъ называютъ просто *ху*.

Но вотъ что замѣчательно. Пробѣгая названія маньчжурскихъ народовъ, мы могли, думаю, безъ большой натяжки объяснить эти названія съ помощью или маньчжурскаго, или китайскаго языка. Что маньчжурскій языкъ существовалъ около нашей эры, мы могли указать на томъ основаніи, что съ того времени до нынѣ сохранились еще хотя нѣкоторыя слова. Но что мы можемъ сказать о другихъ народахъ? Какимъ языкомъ мы объяснимъ, напримѣръ, названіе Жужаней? Ни въ одномъ, взятомъ нами, средне-азіатскомъ языкѣ (кромѣ китайскаго), нѣтъ буквы *ж*, а тутъ ихъ даже двѣ. На бѣду оказывается, что европейскіе синологи сдѣлали важный промахъ, прочитавъ названіе этого народа *Юэ-чжи*, тогда какъ (если вѣрить тѣмъ же Китайцамъ, которые велятъ читать Шаньюй, а не Чаньюй) это имя надобно читать Жоу-чжи, и такимъ образомъ, погибаютъ всѣ выводы, которые quasi-ученые, обработывающіе исторію народовъ, о языкѣ которыхъ они вовсе не имѣютъ понятія, сдѣлали изъ этого названія [1]).

Какъ бы то ни было, постараемся припомнить нѣкоторыя соображенія, кои приходили намъ на умъ при чтеніи китайскихъ ис-

[1]) Надобно замѣтить, что іероглифъ жоу, сходный по начертанію съ юе, не употребляется нынѣ въ этой формѣ; есть еще также сходные іероглифы, читаемые *мао* — шапка, *чжоу* — лодка (Чжоучжи—Чжучжи? у западныхъ жителей Чжучжъ и Мачжучжъ?). Но дѣло не въ томъ, какъ назывался народъ, а какое отношеніе могъ онъ имѣть къ Китаю, для чего такъ усердно онъ его отыскиваетъ, старается заманить на свои границы, чтобы бороться противъ Хунновъ; если это были кочевники, занимавшіе незначительное пространство степей, на которыхъ мы нынѣ видимъ едва извѣстный аймакъ Эчжинэ Тургутовъ (такъ-называмыхъ по р. Эчжинэ, которая напоминаетъ имя Юсчжи и послѣ, можетъ-быть, перенесено на Эчжиль—Волга), то какую большую пользу могъ бы онъ принести, если бы и воротился на старыя мѣста. Такой ничтожный, побѣжденный уже разъ народъ не могъ представлять большаго интереса. Но если мы предположимъ, что до Китая могла дойдти слава Грековъ (а какъ бы написали Китайцы это слово? не Юе-чжи ли?), прославившихся побѣдами и высокимъ образованіемъ, проникавшихъ тоже въ Туркестанъ, то мы поймемъ это искательство Китайцевъ. Какъ ни стараются китайскіе писатели, оскорбленные мыслью, что гдѣ-нибудь было болѣе высокое чѣмъ въ Китаѣ образованіе, скрыть вліяніе запада, оно было несомнѣнно велико. При тогдашнемъ китайскомъ дворѣ только и говорили что о вновь открытыхъ странахъ, сейчасъ оттуда ввели особый небывалый культъ поклоненія кумирамъ, заимствовали, вмѣстѣ съ произведеніями, различныя игры, внесли многочисленныя легенды, даже узнали о гесперидскихъ садахъ. Самъ императоръ У-ди одѣвался по инородчески. Ужели все это была принадлежностью кочеваго народа?

точниковъ о народахъ Средней Азіи. Слово *Сюнъ-ну* или Хунъ-ну, положимъ, изуродовано по китайски, но оно должно было выработаться изъ имени самаго народа,—потому что, по всей вѣроятности образовалось изъ болѣе древнихъ Сянь (Хянь, Хи) юнь-ей. Но почему до сихъ поръ не обратили вниманія, что въ монгольскомъ языкѣ по нынѣ человѣкъ называется Хунъ, положимъ, хоть и сокращенно изъ кумунъ (комони, кумане, кумохи). Мы не хотимъ этимъ сказать, что Хунны говорили монгольскимъ языкомъ, потому что названіе человѣка могло остаться въ чужомъ языкѣ по великому значенію народа въ свое время, и что всякій могъ считать себѣ за честь называться Хунномъ, какъ нѣкогда на западѣ Римляниномъ. Если къ этому названію Хунъ прибавить вышеупомянутое Чэнъ-ли (тэнгри) куту, и принять куту за ошибочное кубу, что по монгольски значитъ сынъ, то мы имѣемъ больше возможности заключать въ пользу монгольскаго языка, чѣмъ сколько даетъ странное чтеніе о. Іоакинеа названія хунскаго хана Мочу или Meté черезъ Модонь (что хотя по монгольски и значитъ дерево, но самое слово Модонь есть видоизмѣненное китайское му-тоу — дерево). Въ названіяхъ другихъ государей, да и не однихъ Чань-юевъ, но и князей, хагановъ и прочихъ, мы не можемъ никакъ положительно сказать монгольскія-ли то, или турецкія, или маньчжурскія слова. Знаменитое *Жоди*, въ которомъ Клапротъ хотѣлъ видѣть татарское якши, есть, несомнѣнно, китайское слово сяо-ди — сыновняя почтительность и братская любовь, какъ сама же китайская исторія говоритъ объ этомъ. Съ натяжкою, пожалуй, Лао-шань Чань-юй'я можно произвести въ Тибетца Ловзана, или Ша-болю Кагана въ Сапора, но вѣдь съ натяжкою точно также изъ Тумана можно сдѣлать Тимона и изъ Мэтэ—Дмитрія, изъ Лаошаня — Александра. Вообще же собственныя имена, если бы мы и открыли ихъ значеніе, не могутъ еще обозначать языка тѣхъ людей, которые назывались этими именами. Европейцы заимствовали свои имена отъ Грековъ и Римлянъ; Монголы нынѣ почти всѣ также носятъ тибетскія имена.

Отъ хунскаго языка намъ остался единственный памятникъ въ фразѣ: сю чжи тилэй гянъ, Пугу тугоуданъ, что должно значить: войско выйдетъ, Пугу будетъ схваченъ. Когда въ 328 году Шилэ хотѣлъ начать войну съ Ши-ё, званіе котораго на хунскомъ языкѣ было Пугу (оно сохранилось и позже, встрѣчается и у Уйгуровъ: Пугу—Хуай Энь), то Футучэнъ, покровительствуемый Шилэ, прослышалъ въ звукахъ колокольчиковъ, висѣвшихъ на кумирнѣ, эту фразу.

Какъ ни звучитъ эта фраза по турецки двумя своими окончаніями на *цзянь* (сроднымъ съ тибетскимъ) и *данъ*, однако она никакъ не поддается и глубокимъ знатокамъ турецкаго языка, къ которымъ я обращался. Пусть поищутъ ея объясненія въ языкахъ финскихъ или венгерскомъ: это было бы драгоцѣнное подтвержденіе историческихъ догадокъ о движеніи народовъ съ востока на западъ. Но пока мы позволяемъ себѣ и въ этой фразѣ видѣть ломаный китайскій языкъ: сю чжи войско, не есть ли кит. *шу ци* — нѣсколько, много всадниковъ, конница (*ци* слышится въ нынѣшнемъ монгольскомъ названіи войска: цирикъ), ти лэй — не есть ли кит. чулай — выйдти; въ словѣ тугу схватить слышится китайскій глаголъ: *ху* — брать въ плѣнъ; относительно *ту* я колеблюсь какимъ китайскимъ корнемъ объяснять это слово; всего ближе тутъ можетъ быть *дэ* — получить, которое, какъ мы видѣли, въ монгольскомъ и тибетскомъ превращено въ *ду* и *дуръ*, но есть также китайскій глаголъ тунъ—держать въ рукахъ бразды; что касается до цзянъ и данъ, то это тоже не китайскія ли слова: *цзянъ* намѣреваться, употребляемое въ смыслѣ когда (то-есть, когда выйдетъ войско), а *данъ*—должно (непремѣнно поймаетъ Пугу). Только одно затрудненіе: по китайски фраза должна быть сформирована такъ: шу ци цзянъ чу лай, пугу данъ дэ ху, но можетъ-быть, или хунскій языкъ допускалъ такія неправильности, или Футучэнъ пожертвовалъ правильнымъ сочетаніемъ для риѳмы, а вмѣстѣ съ тѣмъ, такъ какъ это былъ звукъ колокольчиковъ, то и нечего было требовать отчетливой фразы; Футучэнъ могъ еще поставить себѣ въ заслугу, что онъ умѣлъ разбирать маленькія неправильности. Если такъ, то что̀ мы должны сказать о хунскомъ языкѣ, какъ не то, что онъ искаженный китайскій, то-есть: что̀ во времена Хунновъ нынѣшніе средне-азіатскіе языки были еще ближе къ китайскому, чѣмъ нынѣшній маньчжурскій. Кто-нибудь догадается и возразитъ, что вѣдь мы имѣемъ передъ собою образчикъ языка Хунновъ, существовавшихъ за столько вѣковъ до Р. Х., только отъ IV вѣка нашей эры, когда, какъ извѣстно, Хунны утратили свою самостоятельность, и живя на границахъ Китая, какъ его вассалы, могли дѣйствительно перенять китайскій языкъ, изуродовавъ, разумѣется, его по своему и забывъ свой родной. Но вѣдь это, вопервыхъ, ничего не доказываетъ противъ главной нашей мысли, что средне-азіатскіе языки представляютъ искаженіе китайскаго. Могутъ, на основаніи этого примѣра, доказать только, что нынѣшніе средне-азіатскіе языки сложились очень поздно, немногимъ развѣ раньше того времени, когда стали образовываться

изъ латинскаго языка романскіе. Вовторыхъ, кто намъ докажетъ, что хунскій языкъ долженъ былъ когда-нибудь представлять особенный идіомъ, а не нарѣчіе китайскаго языка? Откуда же взялся пeслѣдній? Вѣдь мы уже говорили, что если мы знаемъ, что Жуны и Ди были главными врагами Китайскаго царства, что Сянь-юни вторгались въ него, то это еще не доказываетъ, чтобъ они не принадлежали къ китайскому племени. Можно предположить, что народы, населявшіе нынѣшній сѣверный Китай, не хотѣли только покориться тѣмъ политическимъ притязаніямъ, которыя изъявила одна часть его, сплоченная подъ династіей Чжоу, задавшейся задачею поработить себѣ всѣхъ сосѣдей. Эта династія Чжоу скорѣе всего могла быть сама пришлою, утратившею языкъ.

Мы уже сказали, что, не зная значенія собственныхъ историческихъ именъ, никакъ нельзя допустить опредѣленія, къ какому языку они принадлежать. Только Вэйская исторія сохранила намъ переводъ нѣсколькихъ словъ: и нельзя не узнать въ нѣкоторыхъ изъ нихъ, съ перваго взгляда, изуродованныхъ китайскихъ или маньчжурскихъ словъ: Фугудунь постоянный, мы показали выше, по маньчжурски будетъ акдунь отъ китайскаго дунь; Чуло—должно значить—точно,—правда по китайски ши лё! (ш—въ *ч*), по маньчж. яла; Шоулобучжэнь—милостивый отъ кит. шоулё давать, бучжань к. буши подаяніе, монг. буянь—доброе дѣло. Дэу лофуба дэу дай законодатель, доролонь дэ...? Тахань преемникъ, мж—дахамби слѣдовать, гэшэнгай—побѣдоносный кит. шэнъ—побѣждать.

Слѣдовательно, присутствіе китайскаго языка въ Средней Азіи продолжалось и въ IV, и въ V столѣтіяхъ. Но мы видимъ его уже болѣе растянутымъ, чѣмъ приведенныя хунскія фразы. Мы намѣчаемъ въ немъ слова маньчжурскаго характера, какъ это и доказывается распространеніемъ племени Ши вэй, и имѣемъ право предположить, что монгольскій языкъ могъ въ то время существовать только далѣе на западѣ.

Если бы мы захотѣли сказать, о какомъ нибудь названіи древнеазіатскихъ народовъ, что оно монгольское, такъ это несомнѣнно о названіи *Усунь*. Усунь (слово родственное съ турецкимъ *су*, кит. *шуй*, тиб. чу) значитъ по монгольски вода. Что мудренаго, что монгольскій языкъ пришелъ съ запада! Монголы временъ Чингисхана сохраняли еще воспоминаніе, что они жили нѣкогда на западѣ; мы находимъ упоминаніе объ этомъ и въ китайской исторіи. Предки Татаней были Ша-то'сцы, жившіе въ Цзюнгаріи, захваченные Тибетцами, они были

переселены въ Инь-чжоу, на границы Ордоса, въ сосѣдство съ Киданями, и послѣ распространились на сѣверо-востокъ. Надобно припомнить еще, что Монголы, какъ и Тукюесцы, производили себя отъ волка. Монгольское слово чино волкъ существовало, какъ названіе поколѣнія, уже до V вѣка. Мы можемъ это съ вѣрностью доказать изъ исторіи дома Тоба-вэй; потому что въ ней прямо указано, что это поколѣніе послѣ переименовано въ китайскую фамилію *Ланъ* (а іероглифъ Ланъ значитъ волкъ). Что же касается того, что названіе фамиліи *Ашэна*, къ которой принадлежали тукюеские ханы, произошло отъ *чино*, то стоитъ только припомнить сказанное нами выше, что въ хоринскомъ нарѣчіи *ч* переходитъ въ *ш*, и это *ш*, какъ мы видѣли выше, еще древнѣе *ч*. Что Тукюесцы или Турки, основатели одного изъ величайшихъ царствъ, сами сначала могли не говорить тѣмъ языкомъ, который мы называемъ турецкимъ,—это также возможно, какъ вѣрно то, что Татары-Монголы говорили не тѣмъ языкомъ, который мы называемъ татарскимъ. Но все это еще не доказываетъ, что если нѣкоторые Монголы, не имѣвшіе ничего общаго со Средне-азіатцами, и пришли съ запада, то не исчезли между туземцами, какъ гораздо позднѣе Армяне, уведенные въ плѣнъ и составившіе кэшиктэнскій аймакъ; это не опровергаетъ также того мнѣнія, что уже и въ тѣ отдаленныя времена на такой дальній край, какъ Алтай,—первоначальная родина Турокъ, Тукюесцевъ, должно было отразиться вліяніе Китая. Слово *Тукюэ* должно было значить шлемъ; на этомъ основаніи о. Іакинѳъ и назвалъ ихъ монгольскимъ названіемъ шлема:—*Дулга*. Только странно, какимъ образомъ о. Іакинѳъ, ратовавшій за монгольскій языкъ, котораго онъ не зналъ, не замѣтилъ, что у него было подъ руками болѣе знакомое ему слово: китайское *Доу куй*—шлемъ! Если Монголы позднѣе вставили между двумя складами букву *л*, то вѣдь также легко можетъ быть вставлена и *р* (а названіе Тэкэ, встрѣчаемое у всѣхъ трехъ народовъ, не имѣетъ и *р*). И не надобно съ такимъ трудомъ отыскивать этихъ Турокъ въ монгольскомъ языкѣ; мы имѣемъ ихъ въ Торгоут'ахъ или Калмыкахъ, принадлежавшихъ Цзюнгаріи, и именно въ ея алтайской части, *тъ* есть монгольское окончаніе множ. числа (кит. *ду*), а потому замѣчательно, что самое имя было не *Торго*, а *Торгоу*, при чемъ окончаніе *оу* какъ разъ намекаетъ на кит. окончаніе *юе* въ *Тукюе*.

Итакъ, Монголы, помнившіе свое происхожденіе отъ Турокъ (происходившихъ отъ Хунновъ), легко могли во времена Чингисхана по-

ставить девизомъ своимъ: Мэнъ-гу, что по китайски значитъ: помнить, носить древность, получить древнее.

Къ какимъ ухищреніямъ не прибѣгали при объясненіи слова Уйгуръ? Рашидъ-еддинъ и Абулгази стараются объяснить это слово изъ турецкаго языка, хотя изъ ихъ словъ выходитъ, что оно должно обозначать связь, союзъ; только, знающіе турецкій языкъ затрудняются признать въ этомъ имени правильно образованное по турецки слово Уйгуръ. Видятъ даже названіе Уйгуровъ въ Фасяневомъ И-у, на мѣстности Хами, хотя въ то время не могло быть и помину о какомъ-нибудь союзѣ. Но такимъ образомъ можно легко отыскать Уйгуровъ и въ названіи горъ И-у-люй, отдѣляющихъ Южную Маньчжурію или Ляодунъ отъ Монголіи. Въ новѣйшее время попытались объяснить названіе Уйгуръ чрезъ монг.—*ой* лѣсъ и тиб. хоръ лѣсными хорами. Но почему въ такомъ случаѣ вмѣсто лѣсъ не взять было (если бы знали, такъ и взяли бы) тиб. *вуй* средина?

Но вѣдь первое китайское названіе Уйгуровъ было Хуй-хэ. Перемѣните только подъ тѣмъ же чтеніемъ іероглифы, и вы получите *хой* собираться и *хэ* — соединяться. И вѣдь мы знаемъ, что Уйгуры составляли союзъ даже, можетъ-быть, не однородныхъ племенъ. Общимъ мѣстомъ ихъ собранія является городъ Хоринъ—сборный (монг. *хурахү* собираться, а кит. корень *хой*). Если всмотрѣться пристально въ характеръ средне-азіатской исторіи, то въ ней нельзя не видѣть всецѣло во всѣ времена продолженія борьбы старагo общественнаго строя противъ новыхъ порядковъ, введенныхъ Китайскимъ государствомъ. Обыкновенно Чингисханъ представляется намъ какимъ-то деспотомъ, которому не могло быть ни въ чемъ противорѣчія; взгляните пристальнѣе, и вы увидите, что онъ не такъ полновластенъ: онъ не самъ провозглашаетъ себя хаганомъ, а провозглашаютъ его князья, съ которыми онъ заключаетъ условія.

Въ Китаѣ больше знаютъ Мухури, чѣмъ Чингисхана; провозгласить наслѣдника до Хубилая не смѣетъ никто изъ монгольскихъ повелителей. Но не то ли же самое мы видимъ у Хунновъ? Мы видимъ, что у нихъ было 24 старшины, князя; Чжуки и Лули являются скорѣе вассалами, чѣмъ подданными Чаньюй'я.

Я думаю, что союзъ *хой хэ* такъ названъ былъ потому, что въ него вошли народы (лѣсной страны — въ Монголіи, на берегахъ Орхона!) не одного языка, не только монгольскаго или турецкаго, но даже и тибетскаго. Уже въ Усуньскомъ названіи царя Кунь-мо вмѣсто пресловутаго König не лучше ли видѣть тиб. *конма*

государь; татарское окончаніе настоящаго времени на ганъ обще съ тибетскимъ. Не даромъ же одни Уйгуровъ тянутъ къ Туркамъ, другіе къ Монголамъ, а третьи, наконецъ, даже къ Тибетцамъ. Въ приговорахъ исторіи всегда есть своя доля правды.

Чтобы покончить съ монгольскимъ языкомъ, мы еще упомянемъ о нѣкоторыхъ словахъ, сдѣлавшихся извѣстными въ болѣе позднее время и относящихся къ управленію. Таково, напримѣръ, чжася (яса), что должно значить уложеніе, учрежденіе; нынѣ это слово замѣнено въ монгольскомъ, какъ сказали выше, новымъ словомъ чагаця, но сохранилось въ чжасакъ—названіе предводителей хошуновъ или улусовъ. Корень этого слова въ монгольскомъ языкѣ есть глаголъ чжасаху (преобразившійся въ маньчжурскомъ въ дасамби) и значитъ управлять. Не скрывается ли здѣсь китайскій корень *чжи* управлять, тѣмъ болѣе, что *чжасаху* еще значитъ лечить болѣзнь, что свойственно китайскому *чжи*? Слово *цзаргу* (маньчж. чжуркань—судъ) откуда *цзаргмикъ* указъ, должно производить отъ кит. *я* (въ словѣ янунь) судъ, подобно тому, какъ монгольское *цзэрликъ* дикій отъ кит. *ѣ*. О вставленіи *р* мы уже говорили при словѣ *тукюе;* что насается до окончанія турецк. и монг. *микъ*, то въ немъ и для другихъ словъ нельзя не признать искаженнаго кит. *лэй* сортъ, разрядъ. (Здѣсь даже: люй-уложеніе). Равнымъ образомъ монг. *ноянъ* надобно признать за кит. лао-ѣ: *л* переходитъ въ *н*, какъ въ словѣ ногоганъ, маньчж. нюньянь зеленый—кит. *люй.*

Мы уже говорили выше, что слово *чжантинъ*, встрѣчаемое и въ нашихъ книгахъ, китайское, и значитъ держащій печать. Еще болѣе, особливо по знакомству съ кульджинскимъ краемъ, у насъ сдѣлалось извѣстнымъ слово: цзянъ цзюнь (чжанъ-чжунь); это тоже чисто китайское слово и собственно значитъ: главнокомандующій, предводитель войскъ, но еще можетъ быть приравнено въ Кульджѣ и Маньчжуріи къ нашему званію намѣстника, а въ другихъ мѣстахъ, какъ званіе командира чисто маньчжурскаго гарнизона къ нашему званію коменданта, или корпуснаго генерала. Но въ отношеніи среднеазіатовъ, когда въ Китаѣ было туземное правительство, оно не скупились на чины; и нынѣ мы видимъ между Монголами чиновниковъ первыхъ степеней, однакожъ они готовы преклонить колѣни предъ трибунальскимъ писаремъ; очень могло статься также, что когда Средне-азіатцы освободились отъ китайскаго владычества, то были сами охранителями, для будущности, его вліянія, возводя себя сами въ китайскіе чины: съ этими чинами они желали, можетъ-быть, явиться и въ глазахъ по-

корившихъ часть ихъ Русскихъ. У нашихъ Бурятъ мы встрѣчаемъ званія: Тайши, Цзайсанъ, Шулэнговъ и проч. Все это званія китайскія, даваемыя самымъ высшимъ особамъ. Тайши значитъ великій учитель; съ самыхъ древнихъ временъ это названіе дается, и то только изрѣдка, первому государственному министру. Цзайсанъ (у Калмыковъ зайсанъ) ближе всего значитъ великій визирь, Шоу линъ, глава старѣйшинъ — можетъ прилагаться даже къ владѣтельнымъ иностраннымъ особамъ, не внесеннымъ въ списокъ чиновниковъ, слѣдовательно, не получившимъ китайскаго чина, хотя бы и княжескаго званія. Знаменитое названіе предшественника, сюзерена, а послѣ врага Чингисхана — Ванъ - ханъ — значило: ванъ, то-есть царь, (князь) и Канъ. Мы совершенно увѣрены, что извѣстное слово: ку (ху)-ргэнъ происходитъ отъ китайскаго Хюй-вэть, точно также какъ въ синонимическомъ съ нимъ Фу-ма и Табунанъ (ма и нанъ одно и то же), скрывается значеніе мужчины (*нанъ*), мужа жены (фу, сифу, табу). Извѣстно, что всѣ потомки княжескихъ родовъ въ Монголіи, даже пришедшіе въ крайнее положеніе, исправляющіе служительскія должности, называются Тайчжіями; это слово не что другое, какъ китайское тайцзы—сынъ императора, объявленный наслѣдникомъ престола.

Извѣстное слово тарханъ не есть ли искаженіе китайскихъ словъ: тѣ лэнъ—желѣзная грамата, которая давалась императорами въ обязательство, что получившему будутъ прощены девять винъ; потомъ эти граматы давались, конечно, и ради другихъ вольностей, напримѣръ, для освобожденія отъ повинностей. Гораздо ранѣе нашей Тмутаракани, вѣроятно, принадлежавшей какому-нибудь Тэму Тархану уже, по дорогѣ къ Астрахани (то-есть, городу Хаджи Тархана), упоминается въ исторіи городъ Абу-Тарханъ восточнѣе послѣдней. Такимъ образомъ, это движеніе слова Тарханъ съ востока на западъ не подвержено сомнѣнію; оно вмѣстѣ съ тѣмъ опровергаетъ и предположенія о еврейскомъ происхожденіи слова каганъ. Слово Тамга не есть ли память о Танской династіи (съ 620 года), которая раздавала всѣмъ вассальнымъ владѣтелямъ Азіи печати, чтобы знать, когда они явятся, или пришлютъ отъ себя кого-либо, съ кѣмъ слѣдуетъ имѣть дѣло; замѣтимъ еще что въ китайскомъ языкѣ есть глаголъ *танъ*—прижигать. Не пускаемся здѣсь въ болѣе подробныя толкованія обычаевъ на основаніи исторіи; это завело бы насъ очень далеко; въ настоящей статьѣ намъ нужно было только указать на присутствіе китайскихъ корней во всѣхъ этихъ соціально-политическихъ терминахъ.

Такъ какъ пришлось говорить о двухъ языкахъ, то постараюсь ска-

зать то, что̀ знаю, или лучше, думаю, и о турецкомъ (тоже на память).

Турецкій языкъ представляетъ съ китайскимъ языкомъ такія тѣсныя отношенія, какихъ мы не видимъ ни въ монгольскомъ, ни даже въ маньчжурскомъ, сношенія, принадлежащія къ самой глубокой древности. Для примѣра можетъ служить хоть слѣдующее обстоятельство: въ настоящее время глазъ по китайски *му* (сродно съ тиб. мигъ), но въ фуцзяньскомъ нарѣчіи произносится *бакъ*; что это не случайность, то и дерево *му*—въ фуцзяньскомъ также произносится *бакъ*. Отъ этого-то *бакъ* можно производить турецкое бак-макъ глядѣть, а отъ бакъ дерево слово *бакча!* Какъ бы то ни было, турецкія слова: бэкъ—князь, тукъ—знамя, диванъ и-чуанъ, юкъ нѣтъ и проч., своими окончаніями на согласную указываютъ, что было когда-то время, когда эти окончанія существовали и въ китайскомъ языкѣ; превращеніе *ши* въ *шиъ*—дѣло, производство *башъ*, головъ отъ *шоу* якши отъ я (тиб. якъ) и тому подобные случаи свидѣтельствуютъ о давней разлукѣ двухъ народовъ, жившихъ когда-то смежно. Открываю на удачу одну изъ страницъ недавно вышедшаго турецкаго словаря г. Будагова, и на ней въ турецкихъ словахъ нахожу по порядку цѣлый рядъ китайскихъ корней: *тао* хитрость, кит. *тао* сѣть и хитрость; *туй* пухъ, волосъ кит. *цуй*; *той*, пиръ кит. *дуй* толпа; *туйбу* притворный, кит. отступать, скрывать шаги. Г. Хвольсонъ открылъ въ крымскихъ памятникахъ слово Бакши, учитель. Если производить его отъ слова баммакъ—смотрѣть, то мы указали, что корень этого глагола существуетъ и въ Китаѣ; слѣдовательно, турецкій языкъ, синтаксически связанный съ монгольскимъ и маньчжурскимъ, долженъ былъ двигаться съ востока на западъ. Едва ли слово Бакши такъ рано, какъ доказываетъ намъ знаменитый ученый, могло дойти до Крыма. Но Бакши встрѣчается безъ измѣненія и въ монгольскомъ языкѣ, а въ манчьжурскомъ есть слово факши—фокусникъ, мастеръ. Монгольскій (да и турецкій также) не имѣютъ *ф*; они естественно должны были измѣнить его на *б*. Корень *фа-кши* скрывается въ китайскомъ *фа*, что̀ значитъ и законъ, и хитрость, и чародѣйство; знаменитымъ буддійскимъ личностямъ часто дается титло фа-ши (учитель закона). Такъ какъ я твердо увѣренъ, что названіе Шаманъ происходитъ отъ Шраманъ, произносимаго по китайски ша мынь, то что̀ удивительнаго, что и названіе фа ши, въ формѣ факши, въ Маньчжуріи приняло значеніе фокусника? Но если настаивать на древности слова бакши, на появленіе его прежде распространенія

въ Китаѣ буддизма, то и тогда его можно объяснять соединеніемъ двухъ китайскихъ словъ, съ давняго времени значащихъ учитель и руководитель, *бао* и *ши*.

Скажемъ не съ увѣренностью, но въ видѣ предположенія то, что мы думаемъ на счетъ турецкаго языка (этотъ предметъ требуетъ глубокихъ изысканій). Турецкій языкъ составляетъ западную отрасль одного общаго средне-азіатскаго языка; если нельзя не узнать въ немъ корней китайскаго, то точно также замѣчается въ немъ и вліяніе или примѣсь тибетскаго. Но родина этой отрасли должна быть ближе къ востоку, чѣмъ нынѣшній китайскій Туркестанъ. Тамъ мы находимъ еще въ историческія времена всѣ признаки неарійскаго племени и по языку и по облику. Если мы теперь видимъ преобладаніе китайско-монгольскаго типа и китайско-турецкаго нарѣчія, то значитъ такое преобладаніе возможно. Нѣтъ необходимости видѣть въ такъ называемыхъ турецкихъ народахъ аборигеновъ Туркестана, Цзюнгаріи и даже Киргизскихъ степей. О постепенномъ и сильномъ распространеніи Китайцевъ въ Туркестанѣ мы находимъ ясное свидѣтельство въ исторіи; но подъ именемъ Китайцевъ нельзя разумѣть непремѣнно говорившихъ чисто китайскимъ нарѣчіемъ. Въ Монголіи существовали Китайцы еще задолго до Хунновъ, а въ Маньчжуріи они появились всего ранѣе.

Спрашивается, какія слова въ китайской исторіи напоминаютъ намъ турецкія? Намъ извѣстенъ домъ Тоба, царствовавшій въ сѣверномъ Китаѣ въ V и VI столѣтіяхъ, владѣвшій въ то же время всей Средней Азіей. Вотъ этотъ то домъ мы и считаемъ разсадникомъ турецкихъ народовъ. Никто еще не занялся хорошенько разработкой очень подробно изложенной на китайскомъ языкѣ исторіи этого дома; онъ-то и сосредоточилъ всѣ прежде него кочевавшія подъ стѣнами Китая варварскія племена соотечественниковъ Шивэ, Мужуновъ, и съ того времени въ китайскій Туркестанъ постоянно подвигаются новые обитатели. Географическія названія перемѣняютъ арійскій типъ на турецкій. Слово *тоба* должно значить по китайскимъ источникамъ: земля— можно видѣть, слѣдовательно, въ немъ составъ двухъ словъ: кит. *ту* и маньчж. *ба* — то и другое значитъ земля. Правда, такое сліяніе вовсе не удивительно; намъ разсказывали, что и теперь въ сѣверозападной части Китая обитаетъ народъ *Долоты*, которыхъ языкъ состоитъ изъ смѣшенія трехъ сосѣднихъ языковъ; такъ, на ихъ нарѣчіи лошадь называется рда-мори-ма, то-есть, рда—тибетское, мори— монгольское, ма — китайское названіе лошади. Но дѣло въ томъ, что

земли по турецки называется *топракъ*. Я познакомился въ Пекинѣ съ однимъ магометаниномъ, дѣдъ котораго былъ переселенъ изъ Туркестана, по его завоеваніи; онъ зналъ еще языкъ своихъ предковъ, но уже произносилъ по китайски, то-есть, такъ, какъ Китаецъ выговариваетъ иностранныя слова. Я съ изумленіемъ узналъ отъ него, что земля по туркестански называется Тоба. Турецкое названіе шапки: бурюкъ, онъ произносилъ мужунъ, и мнѣ сейчасъ вспомнилось, что извѣстные Саньбійцы Мужуны, овладѣвшіе было сѣвернымъ Китаемъ, вырванныиъ у нихъ домомъ Тоба, прозваны были такъ потому, что носили особый родъ шапки, называемый по китайски бу-яо. Но, съ другой стороны мы имѣемъ столько свидѣтельствъ, что Мужуны и Тоба принадлежали болѣе къ маньчжурскому племени! Можно сомнѣваться въ томъ даже, что въ это историческое время всѣ сказанные языки выдѣлялись такъ рѣзко, какъ они представляются намъ нынѣ.

В. Васильевъ.